

СЕРИЯ

ИЗБРАННЫХ

БИОГРАФИЙ

*Михаил
Вострышев*

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН

*Крестный путь Патриарха
Московского
и всея
России*

СЕРИЯ

ИЗБРАННЫХ

БИОГРАФИЙ

Михаил Вострышев

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН

Крестный путь

Патриарха Московского

и всея

России

ББК 86.372
В78

Издание выпущено в счет дотации, выделенной
Комитетом РФ по печати.

Второе издание

В $\frac{0403000000}{678(03) - 94}$ Без объявл.

ISBN 5-87883-013-2
ISBN 5-87883-001-9

© Вострышев М.И., 1994.

© Товарищество “Соратник”,
КМПФ “ЭРА” — оформление,
1994.

19 января 1865 года в селе Клин Псковской губернии у Ивана Беллавина и его жены Анны родился сын Василий, которому суждено было стать первым после двухсотсемнадцатилетнего перерыва Патриархом на Руси. Детские годы он провел в городе Торопце той же губернии, где его отец состоял священником.

Беллавины — одна из распространенных фамилий в окрестностях Торопца, города, чье прошлое уходит в темную даль, и лишь бесконечные набег литовцев и поляков остались в летописях. Не брезговал и русский сосед пограбить тороватых торопчан: “Ходи Роман с Новгородци к Торопцю и пожгоша дома их”.

Богаты были торопчане, их купцы торговали в Кенигсберге, Данциге, Лейпциге, Гамбурге, сам город принадлежал к Ганзейскому союзу. К середине XIX века измелъчала торговля, новые дороги прошли мимо Торопца, но, как и прежде, четырнадцать кожевенных заводиков продолжали поставлять российским и заморским купцам сафьян, красную и белую юфть, черные кожи. Небогатая, лесистая и болотистая земля худо-бедно, но кормила жителей, возивших на полубарках в Ригу льняное семя, хлеб, смолу, деготь, щетину.

Но славен Торопец иным... Путешественника ждет дивная картина: “Вам еще за несколько верст бросаются в глаза сияющие купола разноцветных

массивных каменных церквей, слепившихся в одну кучу и отвлекающих ваш взор от всего другого". Не каждому дано увидеть эту сказочную красоту. Наполеоновская армия в 1812 году прошла мимо, не заметив города — русские леса и болота, словно воды Китежа, скрыли Торопец от глаз кичливого императора.

В одной из восемнадцати церквей города, замечательных своим благолепием, и служил отец будущего Патриарха.

Быт семьи священника во многом схож с крестьянским: та же работа по хозяйству, те же заботы о хлебе, дровах, скоте. Разве, в отличие от сверстников, Василий реже ходил в городские "камедчики", из которых первый "спускает камедь" куклами, второй — тенями, и чаще в церковь, да пристрастился к чтению книг духовного содержания. С девяти лет мальчик начал посещать Торопецкое духовное училище, где обучали катехизису, Священной истории, чтению по-русски и по-славянски, письму, арифметике, русской грамматике, латинскому и греческому языкам, церковному уставу и церковному пению.

Окончив в 1878 году училище, Василий Беллавин покидает отчий дом, чтобы продолжить учебу в Псковской духовной семинарии.

"Семинария должна сделать из своих питомцев, — записано в ее уставе, — людей истинно религиозных, искренне, сознательно, разумно преданных Церкви, нелицемерно любящих ее уставы и священнодействия, свободно, без принуждения подчиняющихся ее требованиям".

Всеми этими качествами уже обладал молодой

семинарист Беллавин, они естественно перешли к нему от родителей. Отец чувствовал великое предназначение Василия, однажды, когда лег спать с сыновьями на сеновале, он ночью разбудил детей. “Сейчас я видел свою покойную мать, — молвил отец, — она предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, добавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот — будет великим”. Сбылись все предсказания, и последним — о Василии. Его стали величать по всей России, да и по всему миру, куда злая судьба пораскидала православный русский народ, Великим Господином.

По воспоминаниям протоиерея Рождественского, учившегося с будущим Патриархом в семинарии, Василий Беллавин был высокоросл, белокур, с ласковым и приветливым характером, товарищи его любили и дали шутливо-уважительное прозвище — Архиерей. Василий отличался искренней религиозностью, постоянными успехами в науках и всегдашней готовностью помочь товарищам, особенно в составлении и исправлении полюбившихся ему многочисленных сочинений.

Другие псковские семинаристы, спустя десятилетия, вспоминали блистательные ответы молодого Беллавина на уроках, особенно по догматическому богословию, удивлялись его необычайной филологической памяти.

Истинная духовность и прекрасные способности помогли торопецкому юноше не только в числе первых учеников закончить семинарию, но и в том же 1884 году поступить в Петербургскую духовную академию, где он получил от товарищей новое, уважи-

тельное прозвище, оказавшееся провидческим, — Патриарх.

Трудно перечислить все науки, которые, как и другие студенты, изучал Василий Беллавин в академии. Это догматическое и нравственное богословие, патристика, церковная археология и литургика, общая церковная история и церковное право, пастырское богословие, гомилетика, педагогика, древние и новые языки, история и разбор западных исповеданий, история Русской Православной Церкви...

В 1888 году со степенью кандидата богословия за сочинение "Кенэль" (Quesnel) и отношение его к янсенизму" Василий Беллавин вернулся в Псковскую семинарию, где начал преподавать основное, догматическое и нравственное богословие, а также французский язык. Поселился он на мезонине деревянного домика в тихом переулке возле церкви Николы на Усохе, где много передумал дум, пока наконец не утвердился в мысли пойти по жизни путем покаяния, путем бесповоротного и ревностного служения Русской Православной Церкви.

14 декабря 1891 года, в субботу, за всенощным бдением в церкви Псковской духовной семинарии было назначено пострижение в монашество двадцатипятилетнего Василия Ивановича Беллавина. На этот обряд, нечастый в губернии, да еще над преподавателем семинарии, бывшим ее воспитанником, над человеком, которого многие хорошо знали, собрался чуть ли не весь город. Опасаясь, выдержат ли полы тяжесть народа (церковь находилась на втором этаже семинарского здания), специально поста-

вили подпорки к потолкам в нижнем этаже.

Монашеский образ жизни — знак покаяния, и Василий Беллавин с самого начала всенощного бдения стоял в одной рубашке вне храма, в притворе, определенном для покаяния.

“Сам себя удаляя от мира, — говорит Симеон Солунский, — новопостригаемый приносится подобно дару и стоит пред дверьми храма, как еще не принадлежащий к ангелам и людям равноангельным, но как кающийся стоит пред раем и небом, умоляя о входе”.

После великого славословия, во время пения “Святый Боже”, монашествующие вышли из алтаря за новопостригаемым. Оба хора семинарских певчих затянули трогательный седален, положенный на неделю Блудного сына: “Объятия отча отверзти ми потщися: блудно изждих мое житие, на богатство неизживаемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи, во умиление зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобю”.

Монашествующие провели Василия Беллавина к алтарю, закрыв его своими мантиями. Трижды в пути он пал ниц — на пороге храма, середине и пред алтарем: “Приводится, как обретенное овца погибшее, воспринятое и перенесенное на раменах обретшаго его Господа. Посему он — и обнажен от мирских одежд, бос и непокровен. Первое потому, что он отверг все излишнее и мирское; а второе — потому, что он беден и нищ, как лишенный богатства разбойниками...”

Перед алтарем новопостригающийся заявил о

своем желании оставить мирскую жизнь. Преосвященный Гермоген, Епископ Псковский и Порховский, спросил Василия Беллавина, сможет ли он исполнить три высоких обета монаха:

- Девства?
- Ей, Богу содействующу.
- Нищеты?
- Ей, Богу содействующу.
- Отречения от собственной воли?
- Ей, Богу содействующу.

Преосвященный трижды вручил и забрал у вступающего в монашество ножницы, которыми затем он и постригся. Монахи, облачив нового инока в монашеские одежды и передав ему свечу, Святой Крест и Евангелие, приветствовали его взаимным целованием.

“Познаем, братие, таинства силу...” — поют в храме.

Новопостриженный инок получил имя Тихона, в честь Святителя Тихона Задонского. На следующий день в кафедральном соборе Пскова отец Тихон был рукоположен в сан иеродиакона, а в следующее архиерейское служение посвящен в иеромонахи.

Настала новая жизнь, с первого до последнего дня вся отданная служению Русской Православной Церкви.

В марте 1892 года иеромонах Тихон был переведен в город Люблин инспектором Холмской духовной семинарии, и уже в мае того же года — в Казань ректором семинарии с возведением в сан архимандрита. Вскоре освободилось место ректора Холмской семинарии, и архимандрит Тихон получает его. Одно-

временно он несет множество епархиальных должностей: благочинного монастырей Холмско-Варшавской епархии, председателя Холмского отделения епархиального училищного совета, председателя Холмского православного братства...

Архиепископ Холмско-Варшавский Флавиан уже в конце 1896 года сделал представление Святейшему Синоду о назначении архимандрита Тихона, за уходом на покой Епископа Гедсона, викарием Холмско-Варшавской епархии, Епископом Люблинским. Ходатайство было отклонено ввиду того, что кандидату в епископы не было даже тридцати двух лет, а требуется, по правилам Церкви, не моложе тридцати трех.

Архиепископ Флавиан около года оставался без викария и вновь подал то же ходатайство, теперь уже не только от себя, но от всего православного населения края.

19 октября 1897 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры состоялась хиротония архимандрита Тихона в Епископа Люблинского, викария Варшавской епархии.

— Когда-то, в дни ранней юности, — сказал он при наречении его во Епископа, — епископское служение представлялось мне — да и мне ли одному! — состоящим из почета, поклонения, силы, власти. “Егда бех младенец, яко младенец смышлях; егда же бых муж, отвергох младенческая” (1 Кор. 13, 11). Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почестъ и власть, а дело, труд, подвиг.

“Архимандрит Тихон, — вспоминает Митрополит

Евлогий, — был очень популярен и в семинарии, и среди народа. Местные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом, — и этот же путь он указал и мне. В сане Епископа он еще больше углубил и расширил свою связь с народом и стал действительно для Холмщины своим Архиепископом”.

Епископ Тихон понимал нужды своего разноплеменного края, и, благодаря его опыту и дарованиям, на Холмщине началось умиротворение народа, многие униаты охотно переходили в лоно Православной Церкви, а римо-католики видели в нем Архиепископа, примиряющего и объединяющего всех не мерами прещения и угрозами, а благодатным зовом доброго сердца, рукою помощи и счастья.

Прихожане так сроднились со своим Епископом, что когда дошла весть о том, что от него потребовалось новое архиерейское служение — в далекой Северной Америке, то “весь край пришел в смятение и обильно проливал слезы разлуки с любимым Архипастырем”, — вспоминает очевидец протоиерей Очеретко.

Прощание с Владыкой Тихоном сопровождалось трогательными картинами выражения скорби со стороны паствы. Храмы, где совершал службы Преподобный Тихон по получении в сентябре 1898 года известия о перемещении и до отъезда из Холма, переполнялись плачущими богомольцами.

Длинной вереницей, рассказывает отец Очередко, проходили депутации от различных учреждений с подношениями, бедняки ходили смущенные, что отнимается их кормилец, даже евреи недоумевали, зачем берут из Холма (древнерусский город, основанный в начале XIII века князем Даниилом Галицким, ныне г.Хелм в Польше) такого хорошего Архиерея. Когда настал день отъезда Владыки — 2 октября, — весь город вышел попрощаться с ним. Люди всякого возраста, звания, состояния и положения покрыли высокий Холм. Они представляли из себя не блуждающих без пастыря овец, а сплоченное стадо Христово, скорбевшее о разлуке со своим добрым пастырем.

Многие не могли примириться с этой разлукой и настаивали на необходимости силою держать у себя Преосвященного, для чего в большом количестве вошли в готовый к отъезду поезд, удалили поездную прислугу и легли на полотне железной дороги, чтобы не дать возможности поезду отойти. Просьбы начальствующих лиц и сердечное обращение Владыки отпустить его с миром на указанное ему Богом новое поле делания успокоили народ, и Епископ Алеутский и Аляскинский Тихон отбыл в Америку, напутствуемый благожеланиями дорогих ему холмичей.

2

Первыми принесли христианство на Аляску и Алеутские острова в 1794 году иноки Валаамской обители. После них святое дело продолжили преем-

ники-пастыри, и более других Епископ Иннокентий, с 1823 года в иерейском сане совершавший миссионерский подвиг на Алеутских островах.

В 1870 году по почину Владыки Иннокентия, ставшего Митрополитом Московским и Коломенским, была учреждена Алеутско-Аляскинская епархия с кафедрой в Сан-Франциско. Окрепла же православная миссия в Америке лишь при предшественнике Преосвященного Тихона — Владыке Николае, “иже бысть муж силен и словом и делом”.

Новая епархия представляла собой суровый дикий край, еще недавно бывший частью Российской империи. На много верст друг от друга стояли в этой ледяной пустыне глухие селения, добраться до которых уже было равнозначно подвигу. Но в Кадьяке, Кенае, Уналашке алеуты, креолы, кенарцы, даже не зная русского языка, прекрасно пели воскресные стихиры, песнопения Божественной литургии, содержали в чистоте свои бедные храмы и неизменно спрашивали приезжих, хоть уже три десятилетия числились гражданами США: “Как поживает наша Москва? Не холодно там сейчас?”

— Доселе мы были чужды друг другу и не ведали один другого, — сказал при вступлении на Алеутско-Аляскинскую кафедру Епископ Тихон, — отныне самим Господом мы становимся в тесную связь, во взаимные отношения Епископа к пастве и паствы к Епископу. В святоотеческих писаниях отношения эти приравниваются к брачным и Епископ считается женихом, а паства — невестой его. И как муж любит свою жену до того, что оставляет отца своего и мать и

прилепляется к жене, сродняется и сживаетя с нею, так и Епископ должен возлюбить свою паству; и как жена повинуетя мужу, так и паства должна повиноваться своему Епископу. Понимая так отношения Епископа к пасомым и будучи обручен алеутской пастве, я покинул любезную родину, свою престарелую мать, близких и знаемых мне, милых сердцу моему и отправился в страну далекую, к вам, людям мне неведомым, для того, чтобы вы отныне стали моим народом и моими возлюбленными.

Преосвященный Тихон прибыл в Америку в тяжелый момент, когда Святейший Синод прекратил выдачу субсидий Алеутско-Аляскинской епархии. Пришлось переходить на собственные средства содержания, что было нелегко по малочисленности и разбросанности по материке православных прихожан. Кажется, наскрести бы денег на содержание причтов — и то хорошо. Но Владыке Тихону удалось еще многое и многое. За восемь лет его управления в епархии учреждены два викарства — Аляскинское и Бруклинское, организованы Братство нью-йоркской церкви и Кресто-Воздвиженский союз взаимопомощи сестер милосердия, объединившие русских и вдохновившие их на святой труд укрепления Православной Церкви в Америке, открыта духовная семинария в Миннеаполисе, основан Свято-Тихоновский монастырь в Пенсильвании, открыты духовная семинария в Кливленде и женский приют на Кодьяке, выстроен новый кафедральный Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке, куда и была перенесена архиерейская кафедра из Сан-Фран-

циско, число приходов возросло с пятнадцати до семидесяти пяти, в Чикаго, Бруклине, в больших и малых городах и селениях США и Канады открывались все новые православные храмы, звучала все чаще русская речь.

На территории епархии уже насчитывалось около сорока тысяч православных верующих. Это были люди разных национальностей: русские и сербы, греки и сирийцы, креолы и индейцы, алеуты и эскимосы. Архипастырь Тихон умело объединял всех своих пасомых общностью духа, воспитывал их в любви и терпении, в покорности и преданности Промыслу Божию.

Каждый год Владыка отправлялся осматривать свою епархию. Его пастырские поездки мало походили на путешествия знатных особ, когда ради покоя и удовольствий господ прислуга готова перевернуть весь мир. Архипастырь утруждал в путешествиях лишь себя, удовлетворяя духовные желания своих пасомых. Все дни его многомесячных поездок могут показаться похожими один на другой, похожими для спутников Владыки, но не для паствы, для которой приезд Архипастыря был праздником из праздников, событием, о котором вспоминали всю жизнь. Вот хроника нескольких обычных дней из трехмесячного пребывания Епископа Тихона на Аляске в 1900 году:

Преосвященный Тихон плывет на пароходике по реке Квихпаку. Остановка в селе Нунапхлюгмюте, где живут сорок крещеных эскимосов. Владыка благословляет всех православных и раздает им крестики. Вновь в пути. Испрошено у капитана позволение

выбросить на пароходе русский флаг, как знак присутствия здесь Преосвященного. Капитан любезно разрешает, и флаг поднят. Показалось село Икогмюте. На берегу бьют в колокол и тоже салютуют русским флагом. Народ радостно бежит навстречу своему Архипастырю и ведет его в храм. Настоятель Квихпакской миссии священник Иаков Корчинский произносит в храме Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня краткую встречную речь:

— Ваше Преосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец! Полвека истекает с тех пор, как во святом храме веси сея была принесена первая бескровная жертва, и в течение этого полувека ни один из Архипастырей не мог проникнуть сюда. Сретая тебя, Архипастырю, как благодетнейшего отца твоего, пекущегося о спасении чад своих, снисшедшего к нашему духовному убожеству и подъявшего трудный подвиг посещения сего отдаленного и в большинстве своего населения сидящего во тьме и сени смертного края, — мы благоговеем перед твоею верою, презревшей все препятствия врагов видимых и невидимых, от всего сердца благодарим тебя за оказанную нам милость и горячо молим — вразуми, настави нас, немощных, на всяку истину, покрой твоею многою любовию все в нас недостающее и благослови нас архипастырским твоим благословением на все благое! Да просвятится свет твой, Владыко святой, пред нами, чтобы мы, видя твои добрые дела, прославляли Отца нашего небесного не только устами, но и сердцем и жизнью своею. Благословен грядый во имя Господне!

Наутро Владыка Тихон совершил первую архиерейскую Божественную литургию в храме Квихпакской миссии, затем возглавил Крестный ход в Иннокентьевскую часовню, где отслужил молебен Святителю Иннокентию, по окончании молебна проследовал к памятнику столетия православия на Аляске и здесь провозгласил “Вечную память” всем почившим проповедникам и ревнителям православия в сей стране.

Вечером пришли славить Владыку дети, которые, по его словам, “пели стройно и задушевно”. Он раздавал им крестики и экзаменовал по школьным предметам.

Наутро следующего дня на байдаре, небольшой кожаной лодке, Преосвященный Тихон отправился со священниками и туземцами вновь по реке Квихпаку. Останавливаясь в каждом селе, встречавшемся на пути, Владыка не гнушался посещать бедные и грязные жилища туземцев, учил их молиться и жить по-христиански, дарил иконки и серебряные крестики, служил молебны. Нередко в пути Архипастыря сопровождали целые флотилии лодок. Как дети жители Аляски радовались приезду “Алутухта” и салютовали ему оружейными выстрелами. Болота и речушки зачастую оказывались мелки для лодки, и Владыка наравне со спутниками нес груз на своих плечах, испытывали и холод, и голод, принимая невзгоды с радостью, и, несмотря ни на что, оставался бодрым и ласковым. Он был единственным среди спутников, кто ни разу не заболел за все три месяца.

Обозревая свою епархию, Владыка никогда не

имел страха перед неизведанной далью, препятствиями пути, всецело и всего себя предавая в руце Божии. Протоиерей Петр Попов, путешествовавший с Преосвященным по Аляске в 1899 году, вспоминал, что им нужно было вернуться из селения Тайунак в Кенай на пароходе, до которого было четыре мили по воде. "На берегу никого кроме нас не было, — рассказывает отец Петр, — все спали. Долго нам пришлось ходить по бараборам и искать гребцов. Наконец гребцы нашлись, оставалось подыскать лодку. Здесь-то мы и встретили большое затруднение: на берегу хотя и было несколько лодок, но все они оказались испорченными, кроме одной самой маленькой, устроенной только для двух пловцов. Положение наше было ужасное! Но ехать нужно было, и вот Владыка, осенив себя крестным знаменем, первый отважился сесть в эту "душегубку" с одним хромым гребцом. С первым валом оттолкнуло их от берега, и они легко понеслись по высоким волнам... С глубоким замиранием сердца следили мы за движением лодки, которая то поднималась, то опускалась в пучине морской! Через несколько времени лодка эта благополучно возвратилась, оставив Владыку на пароходе. Следовала очередь за нами. Страх и ужас овладели нами..."

За понесенные архипастырские труды 5 мая 1905 года Владыка был возведен в сан Архиепископа Алеутского и Северо-Американского. При Высокопреосвященном Тихоне в феврале 1907 года был созван первый Собор Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке, который

способствовал открытию новых школ и приходов, созиданию храмов. Но, увы, именно в это время, к великой скорби православных американцев, Архиепископ Тихон был отозван в Россию.

— Ныне расстаюсь с вами, — прощался Владика с паствой в кафедральном Свято-Николаевском соборе. — Итак, простите отцы и братие святого храма сего, близкие мне не только по духу, но и по совместным нашим молитвам, трудам и жительству! Прости и ты, оставшая моя паства, разбросанная по обширному лицу земли сая! Простите все вы, в пустынях скитающиеся и в горах и в пропастях земных обитающие, и на островах сущие в мори далече!

Прости и ты, храм мой кафедральный. Дорог и близок ты мне. Во время моего святительствования ты был создан, при мне же благоуукрашен и при мне сделан кафедральным. Быть может, для иных, видавших великолепные и обширные храмы в России, ты и кажешься малым и бедным, и не блещешь золотом и серебром и камнями самоцветными, как те храмы. Но для русских православных людей, долгое время страдавших здесь без храма, ты являешься драгоценным сокровищем, и радуются они, что имеют тебя, как радовались евреи, возвратившиеся из плена Вавилонского, при построении второго храма, хотя он и был беднее Соломонова.

“Господи Боже Израилев! Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, и услышиши молитву людей Твоих о них же помолются на месте сем! И всяк, суждый, иже несть от людей Твоих, приидет и помолится в храме сем, услыши и его с небесе от

святаго жилища Твоего!” (3 Цар. 8, 29-30, 41-43).

Прости и ты, страна сия! Для одних из нас ты являешься отечеством, родиною, для других ты дала приют, работу и достаток, иные на твоей вольной земле получили свободу исповедовать правую веру. Бог говорил в древности чрез пророка: “Заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него, ибо при благосостоянии его и вам будет мир” (Иер. 29, 7).

Так и мы молимся Господу, чтобы Он послал стране сей изобилие плодов земных, благорастворение воздушных, дожди и ветры благовременны и сохранил ее от труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплемеников и междоусобной брани.

Да будут же благословенны страна сия, и град сей, и храм, и на всех вас да почиет благословение Господне благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

3

Кафедральный город Ярославской епархии носит имя своего основателя Ярослава Мудрого, творца “Русской правды”.

“В тех летех, егда великий князь Киевский Володимир просвети землю Руску светом христианския веры, тогда сей христоролюбивый князь даде сынам своим киждому град во одержание, и град великий Ростов со областю предадо сыну своему Борису, а последи брату его Ярославу. Во области же сей, не на мнозе пути от града Ростова, яко на шестьдесят

поприщ, при брезе рек Волги и Которости лежащее некое место, на нем же последи создася славный град Ярославль”.

Ярославль, Ростов, Переяславль, Углич — города древнейшего, исконно русского края, каждый из них — наша слава, культура, история.

Ярославская губерния снабжает не только себя, но и другие губернии овощами и маслом. По всей России славится здешний молочный скот, знаменитые романовские овцы. В далеких краях известны ярославское полотно, дунаевские шведские спички, вахрамеевская махорка; множество профессий издревле принадлежит местным жителям, начиная от знаменитого ярославского полового, стремглав несущегося по московскому трактиру, до толмачей при русских консульствах и миссиях за границей.

И все же истинное своеобразие здешнего края в ином. “Город Ярославль богомольем взял”, — бытует поговорка. И правда, будто в большой Торопец попал или в малую Москву, откуда ни погляди — от Ильинской ли площади или с набережной Великой реки, — повсюду золоченые главки церквей ласкают взор. Недаром же ярославских иконописцев, каменщиков, плотников, штукатуров и маляров выписывали в далекие края. Их трудами возведены церкви даже в Москве и Петербурге.

Многие страницы русской истории связаны с Ярославлем. Здесь в библиотеке настоятеля Спасского монастыря сохранялось “Слово о полку Игореве”. Здесь покоятся святые мощи защитников Родины в годы татарского лихолетья князей Василия и Константина. Здесь юный избранник народа

Царь Михаил Федорович говел и провел свою первую Пасху в сани Самодержца всея Руси.

“Что это за удивительная местность — Ярославская губерния! — восторгался Иван Аксаков. — Сколько исторических воспоминаний на каждом шагу... сколько жизни и деятельности в торговле и промышленности, сколько предприимчивости в крестьянах”.

11 апреля 1907 года древний дивный Ярославль встречал своего нового Архипастыря Архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона. Вот Высокопреосвященнейший Тихон, благодущный, улыбающийся, вышел из прибывшего поезда, и народ обнажил головы и отдал Архипастырю поклон. С вокзала, благословляя жителей, Владыка направился в кафедральный собор, где обратился со словом к своей новой пастве:

— *Мой приезд совпал со днями, когда Церковь готовится к торжественному входу Иисуса Христа в Иерусалим, где множество народа встретило Его. Среди них были и враги, и друзья Христа, были исцеленные им и любопытные, желавшие взглянуть на Галлилейского Пророка. Множество народа встретило и меня. Не думаю, чтобы здесь были враги у незнакомого для всех собравшихся человека. Сюда стеклись посмотреть на нового Владыку, прибывшего из далекой Америки. Но не любопытство одно привело сюда вас, а любовь к Церкви, к ее служителям. Еще до приезда я слышал много отрадного о вас, о любви ярославцев к благолепию храмов, о внимании к пастырям, и нынешнее стечение народа отрадно*

для меня. Храните эту любовь к вере и Церкви Православной, к посещению храмов!

На протяжении семи лет Архиепископ Тихон руководил Ярославской епархиальной кафедрой. Главная его деятельность состояла, конечно, в отправлении богослужения. Верхов на лошади, пешком, на лодке, к чему уже привык Владыка в Америке, он отправлялся в уездные города и глухие села служить литургии, молебны, панихиды. Вот хроника обыденной недели его жизни в 1908 году.

20 июня выбыл на пароходе до Рыбинска, далее на лошади в села Рыбинского уезда: Александровское, Покровское на Шексне, Огарково и Троицкое в Подъяблонном погосте. Осматривал церкви, служил молебен, говорил поучение. Далее в город Пошехонье, где посетил духовное училище, церкви, служил Божественную литургию. Далее в Севастианов монастырь, в село Грамматино, села Ракоболо, Никольское на Ухтоме, Погорелое, Васильевское, Крутово, Ченково, Исаков женский монастырь. Во всех храмах Архипастырь говорил народу назидательное поучение, осматривал святые антиминсы, дары, сосуды, иконопись, смотрел церковные документы, беседовал о нуждах церковноприходской жизни, раздавал народу и всем детям крестики и иконы, заходил в дома священников и беседовал о предметах пастырского долга. 27 июня поспешил назад в Ярославль.

Владыка Тихон освящал храмы, наставлял пастырей и пасомых, экзаменовал учеников, занимался благотворительностью. Только на Американский Свято-Тихоновский монастырь в 1910 году он по-

жертвовал из своих личных сбережений десять тысяч рублей.

Для России наступили тяжелые времена неверия, беззакония, презрения к семейной и государственной жизни, стали повсеместными лень, стяжательство.

— *Если мы обратимся к нашей жизни, — взывал Архиепископ Тихон к своей пастве, — то найдем в ней много-много примеров нашей духовной слепоты, которая происходит от наших страстей и пороков. Вот скупость, которая так ослепляет людей, что они только и заботятся о своих приобретениях и не обращают внимания на людей, нуждающихся в их помощи. Вот лень и праздность, которые так овладевают человеком, что он готов продать последнее имущество, чтобы только не трудиться. Вот пьянство, которое так порабощает человека, что он проматывает все свое достояние, удовлетворяя свою страсть к вину. И разве это не слепота духовная, когда люди заботятся только о мирских благах, совершенно забывая, что мы странники и пришельцы в этом мире?*

Но люди продолжали забывать, что их тело тленно, а душа бессмертна. Гордыня почиталась больше, чем добродетель. Участились церковные кражи. Террористические акты стали повседневностью. Большая часть интеллигенции, в стремлении походить на европейцев, бросалась в политические крайности, презрев народ и ненавидя власть. Экспроприации, а по-русски грабежи, стали получать научное оправдание руководителей плодя-

щихся, как грибы по дождю, “прогрессивных” партий. И вдруг среди разгула вседозволенности и презрения стали поступать сообщения о необычно многочисленном наплыве крестьян-богомольцев в монастыри, создании новых благотворительных обществ, быстром, в сравнении с любой другой страной мира, экономическом развитии России, повышении в городах заработной платы и сокращении рабочего дня.

Так хорошо все в России или все плохо? Кому верить? Как жить? Чего желать? — задавались россияне вечными вопросами.

— *“Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам”* (Мф. 6, 33), — поучал Владыка словами Иисуса Христа. — Спаситель не говорит: оставьте всякую заботу о земном — о пище, об одежде, о жилище и прочее. Нет! О всем этом приходится заботиться, так как хлеб сам по себе, мы знаем, не растет, одежда тоже сама не шьется и жилище само не строится. Все требует труда. Трудиться должно и по заповеди Божией: *“Шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя”*.

Но заботы наши о земном не должны быть чрезмерными, безрассудными и преступными. Заботиться о земном нужно постольку, поскольку это необходимо для нас, для нашего земного существования, и поскольку это не вредит главному — нашему спасению.

Главное начало в человеке — душа; душа и должна господствовать над началом земным, то есть над телом.

Заботы о земном чрезмерные и безрассудные, — тем паче преступные, — не угодны Господу. Человек, всецело заботящийся о земном и в земном богатстве полагающий все свое счастье, напоминает нам того евангельского богача, который, по случаю обильного урожая в поле, так рассуждал сам с собой: “Что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись! Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет” (Лк. 12, 17-21).

Вот от подобного безумного “скопления” земного, тленного богатства Спаситель и предостерегает нас словами: “Ищите прежде царствия Божия и правды Его”.

Но что в известных пределах необходимо заботиться и о нуждах житейских, это видно из того, что Спаситель не сказал: “Ищите царствия Божия и правды Его”, но присоединил к сему слово “прежде” и сам заповедал нам: первое всего, прежде всего, прежде всякой заботы о телесных и временных своих житейских потребностях искать царствия Божия, первое удовлетворять своим духовным потребностям, запросам души, жить честно, добродетельно, богоугодно, быть исполнительными на всяком поприще своей служебной и общественной деятельности, иметь мир и любовь между собою, быть христианами.

“И сия вся”, то есть все необходимые для нас и имеющие второстепенное значение блага земные: пища, одежда, жилище и прочее приложатся нам, присоединятся, как бы в придачу и воздаяние за труды и искание царства Божия.

И опыт жизни свидетельствует, что истинный христианин есть в то же время и лучший гражданин и добрый семьянин и что истинно ищущие царства Божия, которое, по Апостолу: “Несть брашно и питье, но правда и мир и радость о Дусе Святе” (Рим. 14, 17) — поистине вполне и во всем довольны своим внешним состоянием и живут вся дни “о Господе радуясь”.

Но чтобы поучать, нужно было и самому постоянно учиться. Архиепископ Тихон набирался мудрости не только из книг, но и из бесед с прихожанами, священнослужителями, из переписки с друзьями, с настоятелями монастырей и епископами.

В 1908 году Владыка Тихон посетил отца Иоанна Кронштадтского. Это было незадолго до кончины уже больного Батюшки. Оба они сели рядышком, побеседовали, наконец Батюшка встал и сказал: “Теперь, Владыка, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохну”. И вышел. Архиепископом Тихон не посмел сесть на место отца Иоанна.

Прошло несколько месяцев, и январским зимним днем Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон, добравшись на лошадях до Успенского женского скита, совершил заупокойную Божественную литургию в сороковой день по кончине в Бозе почившего устроителя скита отца протоиерея Иоанна Ильича Сергеева Кронштадтского.

“Теперь, Владыка, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохнуть”, — вспоминал Преосвященный Тихон слова прозорливого старца, не сознавая еще их смысл до конца. Ведь не может же он, архипастырь епархии, заменить того, кому поклонялась вся Россия?..

Архиепископ Тихон в короткий срок приобрел любовь ярославской паствы. Те личные качества, которые так высоко отмечали его в Холме и в Америке, не могли не привлечь к нему местных богомольцев, его торжественные богослужения в приходских храмах стяжали ему глубокую признательность мирян и клира. И не только в торжественных речах, но и в частной переписке люди признавались в любви к своему Архипастырю. “Благодарю судьбу, — пишет преподаватель Ярославской духовной семинарии 25 сентября 1907 года, — что она послала мне в лице Архиепископа Тихона такого прекрасного начальника, который вполне и до конца терпелив был к моим метаниям: даже больше, он очевидно прекрасно понимает и участливо входит в психологию людей моего положения. Уже пять раз я имел удовольствие говорить с ним: в результате у меня — одно очарование его личностью”.

1907-1913 годы, на которые пало служение Владыки Тихона в Ярославской епархии, ознаменовались в России множеством событий, суть которых стала понятна позже, если вообще стала понятна. Среди них работа Второй, Третьей и Четвертой дум, реформы Столыпина (“Дайте нам двадцать лет спокойной жизни, и вы не узнаете России”) и его убийство, столкновение русских и немецких интересов на

Балканском полуострове. Эти же годы остались памятными множеством дат, которые отмечала вся Россия: 200-летие Полтавской битвы (1909), 200-летие со дня кончины Святителя Димитрия Ростовского (1909), 30-летие со дня мученической кончины Царя-Освободителя Александра II (1911), 50-летие освобождения крестьян (1911), 100-летие Бородинского сражения (1912), 300-летие царствования Дома Романовых (1913). Все эти праздничные и скорбные годовщины не прошли мимо Ярославской епархии. Но особенно торжественно в губернии было в мае 1913 года, когда Государь Император Николай II, Государыня Императрица с Наследником и Великими Княжнами и царская свита посетили Ярославль и Ростов.

21 мая весь день сияло солнце. Жители Ярославля протянулись по всему пути от пристани до Успенского собора и с криками “Ура!” — встретили Императора. Ликовал весь город, люди радовались, что сподобились увидеть Царя-Батюшку, что верными оказались разговоры, будто он богобоязнен, скромнен и не сребролюбив. И совсем весело было от того, что дал ему наконец Бог Наследника, значит, и за наше будущее можно не беспокоиться.

В Успенском соборе Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон обратился к Императору России Николаю II с приветственным словом:

— *Благочестивейший Государь.*

Не смолкли еще радостные пасхальные песни и “празднует вся тварь восстание Христово”, а у нас “приспе день нарочитаго светлаго торжества”, и град Ярославль радуется и ликует: “Се

грядет в онъ Царь Праведный, — кроткий и спасающий” (Зах. 9, 9), грядет в знаменательные дни, когда вся Россия празднует трехсотлетие воцарения Дома Романовых.

Триста лет тому назад Промысл Божий судил граду Ярославлю иметь важное благодетельное значение в судьбах нашего отечества. В смутное время здесь окончательно сформировалось и отсюда двинулось для освобождения Москвы от поляков знаменитое ополчение Минина и Пожарского. В Ярославле действовало тогдашнее временное правительство. Сюда же направился из Костромы и Царь Михаил Федорович, по избрании своем на Царство, и пробыл здесь в древней обители боголепного Преображения Господня двадцать шесть дней. Отсюда были отправлены Его первые царские грамоты и отдавались Им первые распоряжения по государственным делам. Здесь в тиши настоятельских келий зарождались в душе юного Царя планы и думы о счастье и благоденствии русского народа и в благодатной атмосфере монастырского строя полагалось начало плодотворному союзу Церкви Православной и Царей из Дома Романовых.

Понятно, как велика была радость ярославцев при встрече юного Царя, положившего конец тогдашнему “безгосударственному времени”. Летописец свидетельствует, что при встрече Царя Михаила Федоровича ярославцы “от радости не можаху промолвити в слезах”. И эти чистые слезы любви и преданности Царскому Дому Ро-

мановых ярославцы передавали своим потомкам из рода в род до наших дней. Подобно предкам нашим и мы со слезами радости встречаем Тебя днесь, Благочестивейший Самодержавный Государь, с Августейшею Твоею Семьею и от всей души молим Господа, да исполнит Он и Твое сердце радостью Отца о нас — чадах Твоих — веселящегося, да умножит дни живота Твоего и во всяком благоспешствии да сохранит вхождение Твое и исхождение во грады и веси ярославской земли.

Благословен Грядый во имя Господне!

Три с половиной года оставалось Владыке до начала мученического служения. Четыре года и сорок два дня оставалось Императору Николаю II до мученической кончины...

Указом Святейшего Синода от 2 января 1914 года за номером три дано знать о Высочайше утвержденном в 22 день декабря 1913 года всеподданнейшем докладе Святейшего Синода о бытии Архиепископу Литовскому Агафангелу Архиепископом Ярославским и Ростовским и Архиепископу Ярославскому Тихону Архиепископом Литовским и Виленским.

В воскресенье, 19 января, ярославцы прощались со своим Архипастырем. Обширная Крестовая церковь Спасского монастыря была переполнена до тесноты. Богомольцы усеяли галереи и монастырский двор. Владыка совершил прощальную литургию и, разоблачившись, в мантии голубого цвета вышел на амвон. Владыка сказал, что сегодняшний день — день его рождения и он вступил в пятидесятую годовщину своей жизни. Уроженца Севера, его всегда

тянуло в центр России, но волею Божией ему больше приходится служить на Западе. Отрадно поэтому было семилетнее пребывание в Ярославле, где Владыка нашел обилие и благолепие храмов, истинно верующий народ. Здесь он успел сжиться, сродниться с епархией, и вот новое, неожиданное назначение...

Владыка опускается на колени и кланяется духовенству и народу, прощается с ними. Гудят колокола по всему городу, войска берут "на караул", музыканты играют "Коль славен". Уезжает Архиепископ Тихон на новое служение, уезжает в край, где через несколько месяцев разгорится самая жестокая из войн, которые дотоле знало человечество. И звучат прощальные речи, преподносятся прощальные адреса:

От гражданских и военных властей и именитых жителей Ярославля: "Неподражаемая простота Ваша являлась замечательным соединением обширного понимания вещей и самой широкой терпимости к людям, глубокого христианского смирения и досточтимого сознания своего человеческого и пастырского достоинства".

От городского управления: "Никто не уходил от Вас без утешения, ободрения, ласки, благословения; Вашим светлым умом и добрым сердцем Вы легко проникали в самое сложное дело, за разрешением которого к Вам каждый из пасомых шел прямо, не обинуясь, как к истинному отцу и постоянному душевному доброжелателю".

От корпорации Ярославской духовной семинарии: "Мы были возлюблены и почтены Вами, наслаждались Вашим начальством, насыщались

Вашим человеколюбием. Нам невозможно забыть это. Чем же, Владыко, воздать Вам за все это? Чем иным, кроме того, что у нас есть самое лучшее. Это молитвы, по которым да будете Вы сохранены, возлюблены и прославлены в новой стране служения Вашего. Если же Бог поведет Вас далее, на высшие и блистательнейшие степени пастырского положения и начальства — о чем хочется предречь нашей любви к Вам, — то мы принесем Богу совершеннейшее благодарение”.

От духовенства города Ярославля: “Наше же сознание именно свидетельствует нам, что в основе всех Ваших отношений к нам лежит истинная любовь Христова, та любовь, которая, по слову Апостола, не превозносится, не гордится, долготерпит, милосердствует, не раздражается, все покрывает”.

От духовенства города Ростова: “Все мы были равны перед Вами, каждого из нас Вы встречали ласкою привета и добрым словом. Вы радовались нашими радостями и печалились нашим горем. Похвала, одобрение одних, вразумление и увещание других — вот те обычные средства, которыми Вы воспользовались для воздействия на добрых и ленивых из нас”.

От членов Епархиального училищного совета: “Мы не чувствовали страха перед Вами, но по вызванной Вами же любви нашей к Вам, мы старались делать все, что подсказывала нам наша совесть”.

От Епархиального попечительства о бедных духовного звания: “Ваше многомилостивое око узрело и детей бедных пасломщиков, Ваши уши услышали стоны и вопли страждущих болезнями и претру-

женных старостью, Ваши стопы устремлены были и в богадельни, Ваша щедродательная десница простерта была на подаяние во всякое время и в особенности в дни предвеликопраздничные”.

От воспитанников Ярославской духовной семинарии: “Вы чутким сердцем понимали, что поддержка и сочувствие в критические минуты жизни способны окрылить и возродить человека и принести плоды гораздо более обильные, чем плоды наказания”.

От Епархиального Ионафановского училища: “Смиренно преклоняясь перед волею Божиего провидения, мы, однако, лелеем отрадную надежду, что оно направляет Вас ведомыми Ему путями к благу Вашему и Святой Церкви и поведет Вас со временем от славы к славе, от чести к чести до почестей высшего звания, когда должен шире осветить Церковь лучезарный образ Ваших добродетелей, как тот евангельский светильник, который не скрывают под спудом, но поставляют на свещнике, чтобы он больше осветил храмину (Мф. 5, 15). Может быть, в живительных лучах этого света нам суждено ощутить благодатное веяние новой пробуждающейся жизни — этой мучительно чаемой весны в нашей отечественной Церкви”.

И уже в Литовской епархии Владыка узнал, что ярославцы избрали его почетным гражданином ка-
федрального города Ярославля, подчеркнув этим свое желание навсегда иметь Архипастыря Тихона рядом с собою.

4

24 января 1914 года Владыка Тихон прибыл в Вильну, в Свято-Духов монастырь — центр религиозной жизни Литовской епархии. Созданная в XVI веке, эта обитель в тяжелые годы борьбы православной веры с унией не утасила своего светильника и, несмотря на вековые испытания, не утратила жизнеспособности.

Издавна в разноплеменном Литовском крае бок о бок с католиками, иудеями, староверами жили и православные христиане.

В первые же месяцы Архиепископ Тихон объезжает города и села своей епархии и, как и раньше, повсюду посещает храмы, совершает Богослужения, без устали, по несколько часов кряду благословляет народ, раздает крестики, осматривает монастырские и крестьянские хозяйства, экзаменует в школе учеников, проповедует.

Для любящего во всем простоту Архиепископа нелегко было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей в крае Церкви, где хорошо помнили польскую пышность и гонор. Но Владыка и не пытался менять своих привычек. Вот он едет из Вильны на свою архиерейскую дачу, Тринополь, в простой коляске и в дорожной скуфейке, и встречные — русские, поляки, евреи — низко кланяются ему, уже не удивляясь непритязательности нового Владыки. А скажи им раньше, что Архиепископ может ездить как простой монах, без подобного

великолепия и пышности, без эскорта и дюжины сопровождающих, они пришли бы в ужас или, не поверив, рассмеялись.

Во время прогулки по “кальварии” — так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям Крестного пути Христа на Голгофу, — перед Архиепископом Тихоном вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовнях, хотя он был в подряснике и шляпе.

Прошло всего полгода со времени приезда нового Владыки в Литовскую епархию, как пробил час великих испытаний для многих народов — началась мировая война, беспримерная в истории по числу жертв. Русская Православная Церковь с первых же дней приняла деятельное участие в помощи больным, раненым и пленным воинам, в организации лазаретов и богаделен. Молебны о даровании победы русскому оружию совершались после каждой литургии, во всех храмах звучали напутствия священников уходящим на фронт. Монастыри перечисляли в благотворительные фонды свои неприкосновенные и запасные капиталы, многие иеромонахи поступили в военные священники.

Одним из первых отозвался на всеобщее бедствие и литовский народ. В Декларации литовских общественных организаций и руководителей литовской прессы от 23 августа 1914 года было сказано:

“... Ныне настал решительный час. Мы снова плечо к плечу с русским народом вступаем в упорную и тяжкую борьбу с тевтонским наследием — всепоглощающим германизмом, который теперь, спустя пять

веков после нанесенного ему решительного удара, снова поднял голову и снова грозит славянству. Мы верим, что нынешняя борьба — это последнее звено в победной цепи, начатой под Грюнвальдом. Мы верим, что наши зарубежные братья по крови будут освобождены от германского ига и воссоединены с нами, ибо историческая миссия России — быть освободительницей народов. Россия их объединит не ради поглощения, а для мирного, культурного сотрудничества. Весь литовский народ окрылен этой надеждой”.

Тяжелейшее служение выпало на долю Архиепископа Литовской епархии. Удовлетворение религиозных нужд фронтовых частей, нравственная поддержка солдат и офицеров, врачебная помощь и широкая благотворительность имели в лице Владыки Тихона горячего вдохновителя, опытного руководителя и бескорыстного дарителя. Он все время в дороге: освящает лазареты, совершает молебны в них, обходит тяжелораненных, выступает с успокаивающими словами перед беженцами, окропляет святой водой и благословляет полки, совершает панихиды с поминовением православных воинов за Веру, Царя и Отечество на брани убиенных. А письма все идут своим чередом к Владыке Тихону из действующей армии: “Не откажите в Ваших молитвах перед Господом о даровании нам победы над врагом”.

Но уже занята врагом большая часть Литовской епархии, немцы под стенами Вильно. Архиепископ Тихон вывозит в Москву из Свято-Духова монастыря мощи Святых Виленских мучеников Антония,

Иоанна и Евстафия — первых борцов за православие в Литве. И снова на фронт — в Друю, Дисну, Лузки, в иные свободные от неприятеля островки своей епархии. И что удивительно: рядом фронт, кажется, одна дума должна быть у всех — как жизнь свою сохранить, голодом и холодом детишек не заморить, — так нет же! Как и сто лет назад, когда в Россию пришел Наполеон, война разбудила религиозные и патриотические силы народа, и всякий раз Архиепископ Тихон служил в переполненных храмах. После молебнов о даровании победы над врагом к Владыке зачастую подходили под благословение и католики, и староверы.

За труды во славу Отечества в 1916 году Император Николай II пожаловал Архиепископу Тихону бриллиантовый крест для ношения на клобуке.

На время мировой войны падает и присутствие Владыки Тихона в Святейшем Синоде, куда он и раньше неоднократно вызывался правительством из Северо-Американской и Ярославской епархий и где снискал себе уважение среди иерархов Русской Православной Церкви.

Настал 1917 год, год знаменательный в России не только двумя революциями, но и восстановлением после двухсот семнадцатилетнего перерыва Патриаршества.

5

Вряд ли когда-нибудь москвичи с таким упоением судачили о политике, как в 1917 году. Да и можно

ли не порассуждать, когда настали времена похлеще Смутного, мир вот-вот перевернется и, глядишь, кому-нибудь выгода будет, тут не упустить бы планиду.

Первым делом до Москвы докатился из Петрограда слух, что вот кончится зима — и в апреле на всех союзных фронтах перейдут в наступление. Так что жди к осени русских в Берлине. Москвичи от хорошей вести, конечно, приосанились и наговорили ворох патриотических речей. Но вскоре пришла иная весть: что в Петрограде хлеба нет, что там революция и все министры арестованы. Ну, арестованы, и ладно, мало ли господ проворовываются. Да и хлеб подвезут, надо только с железнодорожниками поосторожнее быть. А вот что воистину потрясло жителей Первопрестольной, привыкших короновать у себя Государей, так это отречение от Престола за Себя и за Сына Императора Николая II. С ужасом спрашивали друг друга: что же теперь будет? Ведь всегда же были цари? Но многие были счастливы, опьянены свободой. Повсюду мелькали красные банты, красные флаги, красные полотнища. Срывали царские портреты, распевали про Николая II скабрзные куплеты.

Один кричит:

— Марсельезу! Марсельезу!

Другой, несмотря на пост:

— Христос воскрес!

Третий затянул многолетие Временному правительству.

Лишь протодиакон в церкви плачет, читая народу последний манифест Императора: "В эти реши-

тельные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть...”

Да офицер с пустым рукавом обескуражен:

— Что же такое? Две было святыни — Бог и Царь. Одной не стало... Пойду пьянствовать.

Москва высыпала на улицу, будто в Светлое воскресенье. Группы вооруженных рабочих и студентов радостно тащили в Думу пойманных на квартирах возле своих семей жандармов. На Андроньевской, Рогожской, Таганской площадях каждодневно шумели митинги, завершавшиеся шествиями к Кремлю с пением “Интернационала”. Даже воры собрали свой митинг в цирке Никитина, потребовав от нового общества оказать поддержку преступнику, приобщить его к свободной и радостной жизни.

Появились доселе неслыханные словосочетания: “коренная ломка”, “платформы партий”, “акт рабочей тактики”. Ораторы разъясняли еще вчера патриархальным москвичам, что люди делятся не на мужчин и женщин — это для революционных преобразований несущественно, а на “левых” и “правых”, “социалистов” и “черносотенцев”, “либералов” и “консерваторов”.

— Русские — святой народ! — размахивая пучком газет, радуется профессор Московского университета. — В России великий переворот — и ни капли крови! Невиданное в истории явление!

— Товарищ, посторонись! — кричит извозчик.

— Товарищ, все позволено! — светел лицом рабочий.

— Товарищ! Россия воскресе! — отвечает на пасхальное приветствие дезертировавший с фронта солдат.

— Товарищи! Грабь награбленное! — как молитву повторяет пьяненький мужичок.

Шли месяцы. Наступило лето 1917 года. Радость сменилась тревогой за будущее, злобой, что нет хлеба, страхом перед грабежом и насилием, предчувствием надвигающегося хаоса, царства Антихриста.

Тыловые армейские гарнизоны громили винные лавки, а фронтовые в полном составе бежали с полей сражения в Москву. В городе появились бесконечные “хвосты” за хлебом, молоком, калошами. Картофель, морковь и свекла распределялись через домовые комитеты. С каждым днем росло число прионов, домов свиданий, тайных ресторанов.

Кондукторша в трамвае, рассердившись на пьяных солдат, вопила:

— Хоть бы немец скорее пришел, показал вам, где раки зимуют!

В Хамовниках толпы народа сутками ходили за вновь явленной иконой Божией Матери “Державная”, сжимавшей в руке царский скипетр.

Москва, милый каждому россиянину город, город величайших святынь русского народа, в лето 1917 года был растерян и уныл. Уставший за недолгие месяцы от свободы, он хотел власти над собой. И потому 29 июня, в день Первоверховных Апостолов Петра и Павла и в канун дня памяти всех Апостолов

Христовых, жители древнеправославной Москвы направились с надеждой к Спасским воротам Кремля встречать нового Архипастыря своего Архиепископа Тихона и принять его первое благословение. Новый Владыка явился необычно — не единоличным назначением верховной царской власти, как это было прежде, а избранием представителями духовенства и мирян всей епархии.

“Европейски просвещенный Архиепископ Тихон, — сообщал о выборах “Богословский вестник”, — на всех местах своего епископского служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердости и энергии и одновременно человеком большого такта, сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей эмоциональности, которую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить даже и тени чего-либо компрометирующего на личность Архиепископа Тихона”.

Владыка Тихон полюбился москвичам, они нашли в своем Архипастыре опору и надежду в смутные дни семнадцатого года. Ведь, кажется, совсем недавно поселился Владыка в Москве, а всяк его знает. Ведь не сочтешь в Москве храмов, а чуть ли не в каждом Святитель Московский уже побывал, отслужил литургию или всенощную. Да не только в московских церквях, во многих московских домах уже побывал Владыка, не делая разницы между дворцами и хижинами. Для всех своих прихожан он находил и ровный прием, и ласковое слово, никому

не отказывая ни в совете, ни в помощи, ни в благословении.

6

Мечта о русском Патриаршестве возникла в середине XV века как осознание Русской Церковью перехода к ней от павшего Цареграда Вселенской миссии Православия. 26 января 1589 года среди древних патриарших кафедр появилась новая — Московская, что стало доказательством духовного авторитета Русской Церкви и силы Русского государства. Царь Федор Иоаннович, с благословения Константинопольского Патриарха Иеремии, на торжественной церемонии выбрал из трех кандидатов достойнейшего — Митрополита Московского Иова и вручил ему символ патриаршей власти — посох Святого Митрополита Петра. В Успенском соборе Московского Кремля, после Божественной литургии, Владыку Иова вывели из алтаря и трижды посадили на патриаршее место с пением “Ис полла эти, деспота!”¹

Царь поднес первому русскому Патриарху золотую панагию с драгоценными камнями “да клобук вязан бел с камением, с яхонты и с жемчуги, наверху площ золот чеканен, а на нем крест; по клобуку ж дробницы золоты чеканены...”.

Деяния первых Патриархов совпали со Смутным временем, с попыткой поляков уничтожить русскую государственность. Святитель Иов, не признавший

1 Многая лета, Владыка! (*зреч.*)

Лжедмитрия, стал первым в череде русских Патриархов-мучеников. Сторонниками самозванца он был схвачен в церкви во время молитвы, жестоко избит и заключен в Старицкий монастырь, где через два года умер. “В то поистине смутное время Патриарх Иов показал силу своей воли, непоколебимую твердость и великую любовь к Отечеству”.

Продолживший борьбу с иноземцами Патриарх Гермоген был заточен в темницу, где и скончался от голода и жажды, но перед смертью успел послать с верными людьми проклятие изменникам, “а вам всем благословение и разрешение в этом веке и будущем за то, что стоите за веру непоколебимо, а я должен за вас Бога молить”.

Не однажды Русская Церковь во главе со своими Святителями, жертвуя телом, но не духом, возглавляла спасение Родины от порабощения. Но только земля успокаивалась от пролитой крови и скрежета, как Церковь, чуждаясь политики, становилась мирным богомольцем, привносящим в народ духовные заповеди, нравственные законы, миропонимание, красоту, память о прошлом, об обычаях и устоях. Даже уничтожение Императором Петром I в 1700 году Патриаршества не лишило Церковь ее традиционного предназначения. Два с лишним века длился “синодальный период”, и все это время в народе не умирала мысль о возвращении Патриарха — Великого народного угодника, Святейшего отца нашего, Божиего избранника, Печальника и Заступника Русской Церкви.

Заговорили же в полный голос о соборности и восстановлении Патриаршества с начала XX века,

века растерянности и раздора, и с особой настойчивостью после событий 1905 года. Прошел даже слух, что Император Николай II готов разойтись с семьею, передать Царство Наследнику, постричься в монахи и стать Патриархом.

Февраль 1917 года и уничтожение в России монархии ускорили решение о выборе Первоиерарха Русской Церкви. 5 июля 1917 года, после новых волнений и вновь пролившейся крови на улицах Петрограда, Святейший Синод постановил немедленно созвать Поместный Собор Русской Православной Церкви.

В день Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа 1917 года, состоялась торжественная церемония открытия Собора. Из всех московских церквей Крестные ходы стекались к Красной площади, лес хоругвей окружил Лобное место.

В Успенском соборе шла Божественная литургия. Сам Керенский со своим Временным правительством был тут же. Но не на него бросали члены Собора печальные, ожидающие чуда взгляды, а на два пустующих трона: у левого клироса — Царский, у правого — Патриарший.

А на следующий день в храме Христа Спасителя после Божественной литургии архиереи в мантиях вышли из алтаря и степенно полукругом сели посреди храма на скамьи, покрытые красным сукном. По сторонам от них разместились остальные члены Собора. Начались заседания.

Пятьсот семьдесят шесть делегатов выбрали на Собор. Это все епархиальные архиереи, еще от каждой епархии по двое мирян и двое священно-церков-

нослужителей, представители духовных учебных заведений, государственных и общественных учреждений, военного духовенства. Были выборные от солдат и матросов, от монастырей. Рядом с профессорами канонического права и богословия сидели малограмотные крестьяне, и, бывало, в бесконечных спорах практическая сметка мужика оказывалась нужнее научной казуистики ученого мужа.

Председателем Собора избрали Митрополита Московского и Коломенского Тихона, сумевшего в столь тревожное время принять и обласкать в Бого-спасаемом городе всех делегатов.

Ежедневные заседания проходили в новом Епархиальном доме в Лиховом переулке. И главный вопрос, который не сходил с уст два с лишком месяца, был: нужен ли России Патриарх? Партия профессоров опасалась в этом случае усиления клерикализма. Либералы требовали синодального управления, как наиболее демократического. Кто-то удивлялся: куда мы спешим? Не лучше ли обдумать все хорошенько и собраться вновь годика через два?

Многие речи были великолепны, ораторы блистали эрудицией, остротой мысли и красотой слова. Но за окнами, на московских улицах, как и по всей России, становилось все тревожнее.

И поднялся для краткого слова смиренный крестьянин:

— У нас нет больше Царя, нет Отца, которого мы могли бы любить. Синод любить невозможно. А потому нам нужен Патриарх. С этим меня и послали.

Ему вторил, разве что подлиннее и повитиеватее, другой крестьянин:

— В минуту распада и уныния, когда кажется, что вся Россия превращается в груды обломков и не за что зацепиться, наша задача — связать лучшие неумирающие заветы нашей истории с тем основанием, которое мы закладываем для будущего. Пусть Церковь сама за себя стоит и борется. Вместо скипетра и короны крест и хоругвь да охраняют наше святая святых. И пусть хоругвеносцем наших религиозных заветов будет русский Патриарх — как символ того, что с падением царской власти не пала Святая Русь и что не отказалась она от того, что ей всего дороже в ее прошлом и бесконечно ценнее переходящего внешнего обаяния физической силы.

Но многие еще хотели блеснуть своим словом, и споры продолжались. А тревога уже переступила порог всех московских дверей. В городе не работали водопровод и канализация, бастовали заводы, стояли трамваи. Рядом с Епархиальным домом, на Сухаревке, винтовка с патронами шла по 70 рублей.

Каждый день мог стать последним и для заседаний Собора, и для его членов.

26 октября. Городской голова Руднев сформировал Комитет общественной безопасности. К вечеру отряды юнкеров и офицеров сосредоточились в Манеже и около Кремля. На Соборе предстояло выслушать еще девяносто ораторов и лишь потом проголосовать: нужно восстанавливать Патриаршество или нет. Но выступил от имени группы в шестьдесят человек Павел Граббе и внес предложение прекратить прения, ибо не сегодня завтра все будет решать грохот пушек и треск пулеметов, и немедленно проголосовать установление Патриар-

шествия в Русской Церкви.

27 октября. Москва объявлена на военном положении. Началась стрельба вокруг Кремля и на Красной площади. По городу мечутся автомобили, наполненные солдатами с винтовками на изготовку.

28 октября. К утру юнкера захватили Кремль. Весь день стрекотали пулеметы. Вступила в бой артиллерия. Наконец, под гром орудий Собор принял постановление о восстановлении Патриаршества.

29 октября. Попытка перемирия между юнкерами и солдатами сорвалась. Повсюду беспорядочная стрельба, от которой гибнут по преимуществу московские обыватели, отважившиеся добежать до ближайшего хлебного магазина. “Викжель” выдвинул ультиматум о немедленном прекращении гражданской войны в Москве, иначе начнется железнодорожная забастовка. В этот воскресный день Митрополит Тихон должен был служить Божественную литургию в храме Христа Спасителя. Но добраться до храма не смогли ни прихожане, ни Владыка — их встретили на подступах к центру Москвы пулеметные и винтовочные пули.

30 октября. Ураганный огонь пулеметов по Тверскому бульвару. Профессор Соколов прочитал Собору доклад о способах избрания Патриарха. Решено следовать примеру Константинопольской Церкви — сначала голосовать кандидатов, которых можно избирать как из епископов, так и из священников и даже из мирян. Намечено двадцать пять кандидатов.

31 октября. Весь день длится усиленный артобстрел телефонной станции, Городской думы, “Метро-

поля". Орудия бьют с Пресни, Кудринской площади, Замоскворечья. Нервы москвичей, изголодавшихся в подвалах своих домов, от непрерывной канонады начинают сдавать. Члены Собора длинными вереницами проходят перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дали требуемое большинство Архиепископу Харьковскому и Ахтырскому Антонию (сто пятьдесят девять голосов) и Архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению (сто сорок восемь голосов). Третье голосование — Митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону (сто двадцать пять голосов). Так свободным голосованием на Патриарший престол намечены три кандидата.

1 ноября. Стрельба идет со всех концов Москвы. Началась усиленная бомбардировка центра города. Тяжелые орудия беспорядочно бьют по Кремлю.

Артиллерист Туляков вспоминает, что панорамы в этот день не нашел, пришлось прицеливаться по Кремлю через дуло. Перелет был в двенадцать верст, убило пятерых обывателей. Второй снаряд ударил по трубе Гужона, третий по Златорожскому валу.

Патриарха должны были избрать из трех кандидатур одни епископы. Но они отказались от своего права, решив положиться на Господа. Вечером члены Собора отслужили молебен о прекращении междоусобия и пропели "Со святыми упокой" за всех верующих, погибших на московских улицах в эти кровавые дни.

2 ноября. Всю ночь гремели орудия. К утру город, за исключением Кремля, полностью перешел в руки революционного комитета. Перед очередным заседа-

нием делегация членов Собора с образами, белыми флагами и повязками Красного Креста на руках отправилась в штаб революционного комитета с просьбой прекратить стрельбу. “Стрельбу прекратим, когда сложат оружие засевшие в Кремле юнкера”, — был категорический ответ. На заседании Собора огласили, что выбор Патриарха будет произведен жребием и состоится по окончании уличных боев.

3 ноября. Последний снаряд был выпущен по Кремлю в шесть часов утра. Юнкера, оставшиеся без патронов, сдались. Митрополит Тихон с небольшой группой членов Собора добился разрешения у новой власти осмотреть Кремль. Он увидел главную святыню России, твердыню русского духа, в горячих ранах, сочившихся кровью, нанесенных рукою своего же народа: пробоины в главном куполе Успенского собора, стенах Чудова монастыря. Обезглавлена Беклемишевская башня. Зияет дырами собор Двенадцати Апостолов, повреждены Рождественский и Архангельский. Драгоценные украшения Патриархов: митры, поручи, а также старинная церковная утварь выброшены из витрин Патриаршей ризницы и втоптаны в кучи песка и щебня. Николаевский собор разграблен. На лике Казанской Божией Матери пулевые отметины. На Соборной площади лужи крови, труп юнкера.

4 ноября. В городе спокойно, даже непривычно без стрельбы. Но все кремлевские ворота на запоре, возле них стража. С этого дня Московский Кремль, главное место паломничества русского народа, без особого распоряжения властей стал недоступен жи-

телям России. Собор принял решение об избрании Патриарха на следующий день, в нарушение обычая, в храме Христа Спасителя, так как не удалось добиться допуска в Успенский собор. Власти согласились только отдать из него на один день древний образ Владимирской Божией Матери. Перед этой иконой становились на колени древние русские цари при своем помазании на Царство, перед нею при избрании Патриархов клали запечатанные царской печатью жребии с именами кандидатов, перед нею же объявлялось имя избранного.

5 ноября 1917 года в переполненном храме Христа Спасителя, вмещавшем двенадцать тысяч человек, после совершения Часов Митрополит Киевский и Галицкий Владимир на особом столике, поставленном в святом алтаре по левую сторону престола, собственноручно начертал на одинакового вида и размера пергаментных имена трех избранных Священным Собором кандидатов на Патриаршество. Засим Митрополит Владимир свернул каждый жребий в трубочку, надел на них по резиновому кольцу и сложил в особый ковчежец, где они разместились вполне свободно, встряхнул ковчежец, закрыл и перевязал его тесьмою, концы которой запечатал сургучной печатью. Взявши запечатанный ковчежец в руки, Митрополит Владимир изнес его из святого алтаря на солею и поставил на особо уготовленном тетраподе с левой стороны от царских врат пред малою Владимирскою иконою Божией Матери.

Матери.

Во все время Божественной литургии при ковчежце безотлучно находились профессор Казанской духовной академии Лапин, профессор Петроградской духовной академии Соколов и крестьянин села Красная Поляна Головецкой волости Симбирской епархии Малов. Когда читали Апостол, из Успенского собора принесли чудотворную Владимирскую икону Божией Матери и поставили на том же тетраподе, где был ковчежец с жребиями. Слушали евангельский текст о воскрешении дочери Иаира и исцелении кровоточащей женщины. И чудилось, что дочь Иаира — символ возрождения Русской Церкви, а исцеление прикоснувшейся к ризе Христовой женщины — выздоровление кровоточащей России. Ах, как хотелось этому верить! И верили.

По окончании Божественной литургии и молебна Митрополит Владимир взшел на солею, поднял ковчежец и в виду всех присутствующих сотряс его. Принявши в руки ножницы, Митрополит Владимир разрезал тесьму и поднял с ковчежца крышку. Из алтаря вышел старец-затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексей, уже давно отвыкший видеть земное, но сегодня вернувшийся в мир, чтобы исполнить Божию волю. Он долго молился перед чудотворной Владимирской иконою Богоматери, и вместе с ним молился весь храм, потом троекратно осенил себя крестным знамением и благоговейно вынул из ковчежца “по указанию Божию” жребий.

Митрополит Владимир развернул его и прочел:

— Митрополит Московский и Коломенский Тихон.

— Аксиос!¹ — выдохнул храм.

— Аксиос! — возгласил Митрополит.

— Аксиос! Аксиос! Аксиос! — запело духовенство, хор и весь народ.

Свершилось! Отныне забудутся распри, не прольется больше безвинная кровь, не распадется государство. Отныне у народа есть Заступник, и Русская Церковь не оставлена Богом. На Патриарший престол избран достойнейший — полный любви к людям и необычайной простоты, доброжелательный и беспорочный Архипастырь России Тихон.

Торжественная депутация членов Священного Собора направилась на Самотеку, в церковь Троицкого подворья, где в этот день молился Владыка Тихон, и Митрополит Владимир торжественно благовестил:

— Преосвященнейший Митрополит Тихон, Священный и Великий Собор призывает твою святыню на Патриаршество Богоспасаемого града Москвы и всея России.

— *Понеже Священный и Великий Собор судил мене, недостойного, быти в такове служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю, — ответил владыка Тихон, низко поклонившись своему народу.*

Избранник понял, что ему, как и всей Церкви, предстоит вступить на путь мученичества. Но 5 ноября 1917 года в его провидческих словах немногие различили предвестие Пророка. Поняли их чуть позже, в тюрьмах, ссылках, на краю поспешно вырытых могил, возле оскверненных мощей,

1 Достоин! (греч.)

разрушенных алтарей, трупов замученных за православную веру братьев и сестер. Владыка сказал в день своего избрания:

— *Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: “Плач, и стон, и горе”, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез. 2, 10; 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — пророку Моисею, и мне придется говорить ко Господу: “Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня” (Чис. 11, 11-14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях Российских, и предстоит умирание за них во вся дни.*

7 ноября Владыка Тихон отбыл в Троице-Сергиеву лавру, чтобы в сем святом месте подготовить свой дух к торжеству возведения на патриарший престол. Соборная же комиссия принялась спешно выработать давно забытый на Руси порядок поставления Патриархов.

В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября 1917 года, в Успенском соборе Кремля состоялась торжественная интронизация

Патриарха Тихона.

С утра без умолку гудели колокола сорока сороков московских церквей. Бесконечным потоком текли к Красной площади Крестные ходы из всех приходов. В израненный Кремль, охраняемый множеством вооруженных солдат, с разрешения властей открыли ворота. Но всех верующих, пришедших на торжество, не вместил ни Кремль, ни даже Красная площадь, и они заполнили близлежащие улицы. В Успенском соборе холодно — западная стена пробита большим снарядом. На восточной стене высится Распятие Господа Иисуса Христа с оторванными снарядом руками. Жуткий символ: что-то он значит? Теплятся жертвенные лампы. Повсюду пожелтевшие от времени лики Святителей и Чудотворцев Русской земли. Еще свой, родной этот главный русский храм, и не хочется думать, что он будет иным.

Входят в собор певчие, следом члены Собора, за ними смиренно, с опущенным взором Божий избранник. Посреди храма облачают Святейшего в великолепные одежды. Четыре старейших архиерея начинают Божественную литургию. И вот Избранник, поддерживаемый священнослужителями, входит в алтарь и встает на Горнее место. Весь народ, как на Пасху, держит в руках зажженные свечи. Два митрополита, Владимир и Платон, берут Великого Господина под руки и трижды сажают на так долго пустовавший патриарший трон.

— Аксиос! Аксиос! Аксиос! — поет полным голосом хор и весь народ.

Митрополиты с помощью диаконов облачают

Патриарха в древние одежды его великих и святых предшественников. “В пору пришлось... Как на него шиты”, — шепчут в толпе. Архидиакон Розов, знаменитый на всю Россию могучим, как колокол, голосом, “царь-дьякон” — по прозвищу москвичей, возглашает многолетие Патриарху Московскому и всея России Тихону. “...И Богохранимой державе Российской, — гремит его бас, — многая лета!”

А где она, держава?

По окончании Божественной литургии Первоиерарх Русской Церкви сменяет святое древнее облачение на мантию и белый патриарший клобук Патриарха Никона — опять пришлось в пору! — и, приняв из рук Митрополита Владимира посох Святителя Петра, обращается к народу:

— *Устроением Промышления Божия, мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистой Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе (Отроковицу) им самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место, после того как оно свыше двухсот лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их*

святые помышления, ибо Бог предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: "Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной". А по отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бех в братии моей, а братии мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвел и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного, — даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горюхищное обретет овца, архипастырь подымлет е на рамена своя. Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления поряд-

ка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в турсе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих — слышится тихое веяние словес Твоих. Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному (3 Цар. 19, 14, 18). И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную — возврати, пораженную — перевяжи, больную — укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и Святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь.

Во всем величии роскошного убранства, благословляя народ и солдат, охраняющих от народа Кремль, Патриарх направляется на Красную площадь.

Радостные москвичи крестятся, опускаются на колени, приветствуя своего Батюшку, даже охрана Кремля, еще минуту назад гордая своим атеизмом, гасит папироски и скидывает шапки.

— Отец наш, заступник, помолись за нас! — молит

седой крестьянин.

— Долгих лет тебе и многих радостей, — улыбается молодая работница.

И вдруг захохотала женщина с распущенными волосами:

— Недолго, недолго вам радоваться! Убьют, убьют вашего Патриарха!

Прожил с тех пор патриарх Тихон чуть более семи лет, перенеся тюремное заключение и несколько покушений на свою жизнь, и преставился в шестьдесят лет. Все дни его служения были постоянным умиранием за народ, как сказал он в день избрания, тяжким путем страданий и сомнений, по сравнению с которыми смерть — благо.

Кончилась жизнь, настало житие Мученика.

7

В одном из своих первых обращений к верующим — “Новогоднем слове” по поводу наступившего 1918 года — Патриарх Тихон, размышляя о делах минувшего 1917 года, предупреждает, что бездумное, поспешное построение нового государства неминуемо принесет вред народу, которому нужен хлеб насущный, а не призрачные химеры. Приводя библейский рассказ о Вавилонском строительстве, Патриарх напоминает, что не впервые на земле берутся люди за возведение нового, доселе невиданного по грандиозности здания, но затея эта безумна и не принесет блага:

“Минувший год был годом строительства Рос-

сийской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт Вавилонского строительства?

На всей земле был один язык и одно наречие. И сказали люди: построим себе город и башню высотой до небес и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: "Сойдем и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал другого". И рассеял их Господь оттуда по всей земле (Быт. 11, 1, 4-5, 7-8). *Не угодно было Господу строительство Вавилонское, противно планам Божественного домостроительства. "Сотворим себе имя", – не напоминает ли это желание наших прародителей быть яко боги (Быт. 3, 5); и единый дотоле язык смешался в разные наречия, и единый народ разделился на разные племена, враждебные друг другу и истреблявшие одно другое.*

Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие его, напрасно рано встают и поздно просиживают (Пс. 126, 1-2). *Это исполнилось в древности на Вавилонских строителях. Сбывается днесь и воочию нашу. И наши строители желают сотворить себе имя, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы Вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они*

на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих и нагих (Апок. 3, 17). Вместо так еще недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России, они сделали из нее одно жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую. Когда читаешь "Плач Иеремии", невольно оплакиваешь словами пророка и нашу дорогую Родину.

Как Господь поверг на землю красу нашу, как разрушил укрепления, как отверг царей и князей наших. Страна, некогда многолюдная, стала одинока как вдова, великий между народами, князь над областями делается данником. Горько плачет он, и слезы на ланитах его, и нет у него утешителя. Враги его встали во главе, неприятели благоденствуют, и враг простер руку на самое драгоценное у него. Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, дрова достает за большие деньги, и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба, и никто не подает им. Евские сладкое истаивают на улицах и воспитанные на багрянице жмутся к навозу (Плач. 2, 1-2; 1, 1-2, 5, 10-12; 4, 4-5; 5, 2-4). *И это в стране, бывшей житницею целой Европы и славившейся своими богатствами.*

И вся эта разруха и недостатки от того, что без Бога строится ныне Русское Государство. Развеслышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полага-

ются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы непокорны были Слову Его (Плач. 1, 18).

Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, упились вином свободы, — и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взяли именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что преходит, — прилежати же о душе, вещи бессмертной, совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании “храмин и житниц” постигает неудача. Церковь осуждает такое наше строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, без которого ничего доброго не может быть сделано (Ин. 15, 5), *пока не обратимся к Нему всем сердцем и всем помышлением своим (Мф. 22, 38).*

Теперь все чаще раздаются голоса, что не наши замыслы и строительные потуги, которыми мы были так богаты в мимошедшее лето, спасут Россию, а только чудо, — если мы будем достойны этого. Будем же молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета Своею благодатью, и да будет оно для России лето Господне, благоприятное (Исх. 61, 2).

Января 1 дня 1918 г.

Патриарх Тихон*.
Москва

Но лето 1918-е не стало Господним. Ежедневно, ежечасно к Патриарху поступали сведения о разграблении церквей, расправах над священниками. И уже рабочим приходилось выступать на защиту Русской Православной Церкви. В Кронштадтской крепости они собирают общее собрание, чтобы добиться от Исполнительного комитета Совета Рабочих и солдатских депутатов прекращения назначения исключительно православных священников для несения милицейской службы. В Александро-Невской лавре они грудью загораживают путь комиссарам с вооруженными солдатами, пришедшим отбирать у духовенства святой дом. В Москве они собирают на заводах подписи, чтобы советская власть не препятствовала службам Патриарха в московских храмах. Смиренный Тихон тоже посчитал невозможным оставаться в стороне от угроз воинствующего атеизма и обратился с посланием к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской:

“... Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой Матери нашей. Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостояйте им силою веры вашей, нашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христо-во, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого Апостола: “Кто разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? (Рим. 8, 35)”.

Патриарх призывал кротких восстать против гордых, силой своего духа и веры попытаться убедить новую власть, что она поступает несправедливо. Церковь как раньше уже не могла стать на защиту своего народа, она просила защиты у народа. Защиты от Декрета об отделении Церкви от государства и от его рьяных исполнителей. Православная Церковь более не являлась хозяином храмов с их древними святынями — все отныне принадлежало государству, и лишь оно вольно карать или миловать, награждать или отнимать. Священникам предписано заключать церковные браки даже при отсутствии церковного развода, если на то будет воля местной власти. Духовные пастыри отныне отстранялись от воспитания народа, монастырские и епархиальные типографии отбирались, религия во всеуслышание объявлялась пережитком невежества, монастыри приспособлялись под тюрьмы и жилье советских служащих, повсеместно закрывались домовые церкви, в школах запрещалось преподавание Закона Божия и исполнение религиозных обрядов...

“Доселе Русь была святой, а теперь хотят сделать ее поганой”, — ответил священный Собор на декрет о “свободе совести”, точнее — о свободе воинствующего безбожия, ставшего государственной политикой.

Верующие ответили на декрет многотысячными Крестными ходами. С хоругвями и чудотворными иконами, с молитвою и песнопениями шли безоружные мужики и бабы к кафедральным храмам своих городов.

В Шацке и Туле не успели допеть — по Крестным ходам ударили из пулеметов.

Прошел и в Москве Крестный ход 28 января 1918 года. “Стоя недалеко от Лобного места, — вспоминает В.Марцинковский, — я видел, как с различных улиц втекали на площадь бесконечные потоки московского люда, возглавляемого духовенством с крестами, иконами и хоругвями, сверкающими золотом. Говорили, что в процессии участвовали сотни тысяч человек. Пели пасхальный тропать: “Воскресение Твое, Христо Спасе...” По-видимому, народ чувствовал уже приближение суровой борьбы с религией и хотел выразить свое сочувствие Церкви”.

А в Петрограде в этот день было опечатано денежное имущество Святейшего Синода (капитал учебных духовных заведений, пособий заштатному духовенству и т.д.), и ночью, тайно, будто тати, комиссар над беженцами Дижбит и его помощник Вельмар увезли все деньги и ценные бумаги.

И вновь, и вновь Патриарху Тихону приходится вступаться за Церковь Русскую, за ее служителей, за весь православный народ.

“В тяжелые дни скорби всенародной преемлю долг вещать вам слово истины и любви: вместе с вами страдаем, вместе с вами скорбим и плачем”.

Патриарх обращается и к Советскому правитель-

ству, и к главам других стран с целью хоть в чем-то облегчить участь своих пасомых и своего Отечества. Известны его послания 1918 года по поводу введения в России Григорианского календаря, с призывом о прекращении междоусобной брани, о пагубности Брестского мира, о воздвигнутых на Церковь гонениях... Десятки, сотни писем разосланы Первоиерархом в суды, комиссариаты и комиссии в защиту конкретных людей. Некоторые просьбы Патриарха удовлетворяли, но чаще сдавали в архив, не удостоив Главу Русской Церкви ответом.

Жить становилось все труднее, особенно в Москве, куда переехало правительство. Провизия страшно подорожала, город питался исключительно через мешочников. Как грибы вырастали антикварные и комиссионные магазины, дабы сподручнее было старой Москве распродавать свою старину. Вместо недавнего "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" над улицами вставал крик: "Хлеба!"

Ждали чудес, знамений. 18 февраля 1918 года над храмом Христа Спасителя видели лучи заходящего солнца, образовавшие крест. Московские обыватели объясняли, что это Россия приняла на себя крест величайшего в мире переворота, и понесла его, и долго еще будет нести, чтобы изжить во всем мире страдание и голод, эпидемии и духовный разврат.

По Москве ползли слухи. Одни передавали шепотом, с оглядкой, другие со злобой, в полный голос, третьи с надеждой, с веселой улыбкой.

— Немцы уже в Бологом маршируют. Скоро нас освобонять придут.

— Вот вострубят горнии трубы, проскачет конь

бледный, и провалимся мы в тартарары.

— Говорят, все в России решили опять по-старому жить. Вот только Петербургская губерния не соглашается.

— Большевики-то на той неделе два часа великого князя Михаила Александровича уговаривали: прими корону, и баста! А он уперся: не приму — армии нет, опереться не на что, а на немцев не хочу.

— Да враки говоришь, не так все было. Ленин с Коллонтай отыскиали Вырубову, явились к ней и план обговорили, как на престол возвести Наследника — Царевича Алексея. А сами в Германию собрались — здесь, мол, народ некультурный, не хочет революции, так мы ее для немцев сделаем.

— А пишут, что порешили и Императора, и Наследника

— Может, и верно, то-то нам ныне за Царя во искупление достается...

Про цареубийство москвичи заговорили еще в разгар лета, когда газета "Известие ВЦИК" стала путано сообщать об арестованном Императоре:

25 июня, что председатель Екатеринбургского исполнительного комитета категорически опровергает слух об убийстве Николая Романова...

28 июня, что слухи об убийстве Николая Романова — провокация...

19 июля, что 5/18 июля под председательством Свердлова состоялось заседание ВЦИК, одоблившее расстрел Николая Романова 16 июля в Екатеринбурге. Газета при этом, по решению того же ВЦИКа, трусливо налгала: жена и дети бывшего Императора живы-здоровы, отправлены в безопасное место.

Весть о расстреле без суда и следствия Императора вызвала злобные толки среди москвичей, предчувствие, что скоро настанет и их черед. А тут еще всех подряд офицеров тянут в ЧК, срывая на них злость за убийство студентом Канегиссером Урицкого. Крепко держит свое слово комиссар по военным и морским делам Л.Троцкий (так и хочется сказать: по военным и мокрым делам), заявивший по радио и в печати после покушения на главу петроградского ЧК: «За убийство каждого из наших ответственных работников мы расстреляем тысячи заложников».

Почти не нашлось в притихшей России людей, во всеуслышание осудивших казнь Государя. Одним из немногих, кто посмел, был Патриарх Московский и всея России Тихон. Узнав, как и другие москвичи, из газеты о случившемся, он тотчас созвал совещание Соборного Совета, на котором порешили совершить публичную панихиду по убиенному бывшему Императору Николаю II. В протоколе совещания есть собственноручная приписка Святейшего: «Благословляю архипастырей и пастырей молиться о сем на местах».

В праздник Явления Казанской Божией Матери Патриарх отправился в Казанский собор, находящийся по соседству с Кремлем, занятым ВЦИКом, и в переполненном народом храме произнес проповедь, ставшую исторической:

— *Счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании в наших детях заветов Господних. Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как*

все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстает перед нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринял для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить.

Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние, уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреляют. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие е!

Опасаясь за жизнь своего Святителя, приходская община Москвы организовала из безоружных горожан-добровольцев охрану патриарших покосов на Троицком подворье. Договорились, что в случае ареста Патриарха надо будет суметь ударить в набат, и следом колокольный звон польется со всех московских церквей, созывая народ. И двинутся Крестные ходы к Троицкому подворью, а оттуда к месту заключения своего Первоиерарха, и не разойдутся пасомые, пока не будет выпущен их Пастырь.

Понимая, что несмотря на все предосторожности жизнь Заступника Русской Церкви все равно находится в опасности, Соборный Совет в тайном заседании избрал несколько заместителей, которые один за другим, в зависимости от того, будут ли они находиться в тот момент на свободе, должны заменить Патриарха Тихона в случае его насильственной смерти. Депутация членов Собора сообщила об этом Божиему избраннику и посоветовала ему скрыться за границу, чтобы не повторить конец Императора. “Бегство Патриарха, — ответил, улыбаясь, Святи-

тель Тихон, — было бы на руку врагам Церкви. Пусть делают со мною все, что угодно”.

Прошло несколько месяцев, и еще тяжелее стало положение Тихона. Его держали под домашним арестом круглые сутки приставленные красноармейцы, неоднократно оскорблявшие его и хозяйничавшие в его помещении, как у себя дома. Сотрудники ЧК почти ежедневно устраивали допросы Патриарху, Советская власть наложила на него контрибуцию в сто тысяч рублей и лишила продовольственного пайка, пыталась обогатить, вскрывая письма и узнавая адреса, откуда поступили денежные переводы.

Но чем тяжелее становилось Патриарху, чем громче безбожие заявляло свои права на власть, тем теснее становилось в храмах, и шли туда уже не только простолюдины, но и вчера еще смеявшиеся над религией студенты, врачи, профессора. И нередко именно они добивались теперь во ВЦИКе разрешений служить в той или иной церкви Патриарху Московскому и всея России, духовному врачу русскому народу, человеку с добрым и кротким ангельским ликом.

Но было у Тихона и другое лицо — твердое, светившееся глубоким пониманием жертвенного служения, той нечеловеческой ответственности, которую на него возложили вместе с белым клобуком Патриарха Никона. Помнил он об этом и когда сочинял непримиримые со злом послания, и когда равно соглашался отпевать и “белых” и “красных”, помнил, когда его пытались втянуть в политическую жизнь страны, требовали объявить себя врагом час-

ти своего народа, просили одобрить то или иное “движение”. Вот характерный пример из воспоминаний русского эмигранта Григория Трубецкого:

“Летом 1918 года, покидая Москву, в которую мне уже не суждено было вернуться, я пошел к Патриарху проститься. Он жил тогда еще на Троицком подворье. Меня провели в старый запущенный сад. Патриарх в простом подряснике и скромной скуфейке имел вид простого монаха. Это были короткие минуты его отдыха, и он видимо наслаждался солнечным днем и играл с котом Цыганом, который сопровождал его в прогулке. Мне совестно и жаль было нарушать его покой.

Я ехал на юг, в Добровольческую армию, рассчитывая увидеть всех, с кем связывалась надежда на освобождение России. Я просил разрешения Святого Патриарха передать от его имени, разумеется в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику”.

Но и признавать Советскую власть Владыка Тихон не спешил. За это в бесчисленных поношениях, не прекращавшихся до недавнего времени, старец лживо обвинялся в подстрекательстве к “черносо-тенным погромам”, в призывах к “контрреволюционным выступлениям” и даже...

“Первосвященник Тихон, — как считал И.И.Скворцов-Степанов, — вместе со всеми крупными собственниками уже предается сладостной на-

дежде, как германские палачи призовут крестьян и рабочих к покаянию и как виселицами и расстрелами они приведут нашу страну к возрождению”.

Тем, кто обвинял патриарха в злодействах против Советской власти и требовал его немедленной казни, надо было, вместо того чтобы панически страшиться популярности Владыки Тихона в народе, проникнуться духом его посланий и молитв, в которых он призывал русский народ к прекращению братоубийственной гражданской войны, в которых осуждал террор, клевету, глумление над религией. Ведь, что греха таить, Декрет об отделении Церкви от государства понимался властью и в столичных и в губернских городах, как сигнал к повсеместному уничтожению Церкви и ее служителей, к грабежу церковного имущества, которое создавалось, сохранялось и приумножалось многими поколениями предков. И разве мог смолчать Патриарх, когда на его глазах святые обители превращали в застенки, ломали храмы, отовсюду удаляли эмблему христианства — крест, божественные лики завешивали тряпками с глупой фразой: “Религия — опиум для народа”, запрещали праздновать христианские праздники, оскверняли и уничтожали святые мощи, реквизировали церковные ценности, срывая с икон серебряные ризы, со священных книг — драгоценные переплеты, грабя алтари? И Патриарх говорил в послании Совету Народных Комиссаров 13/26 октября 1918 года:

“Все, взявшие меч, мечом погибнут (Мф. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам,

нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя “народными” комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9-10). Народу, изнуренному кровопролитной войною, вы обещали дать мир “без аннексий и контрибуций”.

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались опубликовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что “больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя” (Ин. 15, 13). *Отечество вы подменили бездушным интернационализмом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты*

отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска.

Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виноваты, а взяты лишь в качестве “заложников”, этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не виновных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной “контрреволюционности”. Бесчело-

вечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Святыми Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много потерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализации, — вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем “буржуев” грабили людей состоятельных, потом, под именем “кулаков” стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались бы злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмене грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу...

Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда семьи, а иногда население целых домов, выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили свою кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (Епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и

домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

“И что еще скажу. Недостанет мне времени” (Евр. 11,32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка — “Ноги их будут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови, мысли их — мысли нечестивые, опустошение и гибель на стезях их” (Ис. 59,7).

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься “столп

злобы” вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений.

Не Наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась “Божиим слугой” на благо подчиненных и была “страшная не для добрых дел, а для злых” (Рим. 13, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройству порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11, 51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52)ʳ.

8

С 1917 по 1921 год проживал Патриарх Тихон в помещении московских архиереев — Троицком подворье Сергиевой лавры на Смотеке. Здесь, в Крестовой церкви, монахи Сергиевой лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещалась небольшая молельня, где, когда не служил сам, во время богослужений молился Тихон.

Дом был окружен небольшим садиком, по которому Патриарх любил погулять, как только позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись гости, знакомые посетители, с которыми он задушевно беседовал, иногда до позднего часа. Садик был уютный, со всех концов отгороженный от соседних дворов, но детишки любили взбираться на высокий забор, и тогда Патриарх ласково оделял их яблоками и конфетами.

Доступность Святейшего и его простота в общении были у всех на виду и на слуху, поэтому на Троицкое подворье никогда не прекращался поток духовенства и мирян со всех концов России, обращавшихся к своему Заступнику и Врачевателю за помощью и советом. И никто не уходил от него без успокоения и благословения. Нередко Патриарх приглашал приходивших разделить с ним скудную трапезу, нуждавшимся помогал деньгами и продуктами (Тихон как “буржуй” не получал пайка, зато рыбники и зеленчики Сухаревского рынка наотрез отказывались брать плату за продукты для кухни Патриарха).

Народ в дореволюционные годы подмечал многие теневые стороны жизни церковного клира и высмеивал их. Ныне же, увидев примеры мужества и кротости русского духовенства, он крепко-накрепко полюбил его. Униженная и оскорбленная Русская Православная Церковь вдруг стала дороже прежней — всемогущественной и самодержавной. И уже не пастыри заботились о пастве, а паства, голодная и бесправная, возложила на себя опасную заботу и о святых храмах, и о пастырях. И в какой-то момент

атеистическая власть испугалась богомольцев, выпустив в январе 1919 года циркуляр о том, что “на местах переборщили с применением Декрета об отделении церкви от государства”, и разъяснялось, что недопустимо отобрание церковных облачений, применение церковных украшений для революционных эмблем, что нельзя использовать священников для очистки улиц, что при обысках в алтарях теперь должен присутствовать “служитель культа”, а арестовывать духовенство во время богослужений разрешается лишь в исключительных случаях.

Но и эти незначительные “послабления” в борьбе с религией, за которые пришлось сложить головы многим прихожанам, далеко не всегда исполнялись местной властью, а вскоре, когда братоубийственная гражданская война стала подходить к концу и появилась возможность бросить дополнительные красноармейские части на “внутренний фронт”, и вовсе забылись.

Начались новые кампании воинствующего атеизма против Православия. Например, по вскрытию, вернее — осквернению и уничтожению мощей. Циркуляром комиссариата юстиции от 25 августа 1920 года постановлено, что власти на местах “проводят полную ликвидацию мощей”. А перед этим уже потряхнули раки с мощами великих русских Святых Александра Невского, Сергия Радонежского, Тихона Задонского. Вскрытие зачастую сопровождалось надругательством над памятью Святых, а если в раке вместо нетленных мощей обнаруживали лишь белые косточки Святого, радости безбожников не было конца и они спешили вылить ее на газетных

полосах:

“Сама жизнь в лице обманутых трудящихся масс сбросила тайные покровы с раззолоченных рак, и религиозная тайна рассеялась!”

“Мощи были нужны для эксплуатации невежественной толпы, наиболее отставшего в умственном отношении крестьянства, которые, тратя последние копейки, шли к “мощам” из города в город”.

“Долой церковные застенки с мощами! К ответу черную рать! Да здравствует свет и истина!”

И вновь, защищая честь Русской Православной Церкви от демагогических воплей, защищая святую память о почивших наших предках, Патриарх обращается с письмом к председателю ВЦИК М.И.Калинину:

“..Как известно, почитание святых и Их останков (мощей) и приношение Богу жертвы путем возжигания восковой свечи являются древними обрядами Православной и Римско-Католической Церквей, непосредственно относящимися к области культа. Исходя из присущего будто бы всем мощам признака нетления, VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции, в лице бывшего Петроградского священника Спас-Колтовской церкви Галкина и бывшего ходатая по брачно-разводным делам Шпицберга, занялся ревизованием мощей Православной Русской Церкви, вскрывая раки и гробницы с останками признанных Церковью Святых, а когда наконец нашел мощи Святых Виленских мучеников, удовлетворившие выставленному ими признаку нетления, то в возбужденном судебном процессе

старался доказать неправильность церковной канонизации Виленских угодников.

Мощи, канонизация, восковые свечи — все это предметы культа. И ныне во имя попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власти имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: “Какое дело Государству (особенно атеистическому) до Церкви”.

Постановлением VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 года (Собр. узак. 1918 г. № 90, ст. 908), постановлением Совета Обороны от 8 декабря (Собр. узак. 1918 г. № 93, ст. 929) и письмом Ленина к рабочим (Урок 3-й см. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28 августа 1919 г. № 190) под страхом строгой ответственности вменяется всем в обязанность точное соблюдение изданных советской властью законов РСФСР и изданных центральной властью постановлений и вместе указан порядок отступления от норм закона при наличии условий, требующих такого отклонения от закона.

Ныне утверждаю, что образ действия VIII Отдела Народного Комиссариата Юстиции в лице Галкина и Шпицберга нарушает Конституцию РСФСР, декрет об отделении Церкви от Государства, и при этом не может быть оправдан обычной ссылкой на переходный момент, так как сама Конституция, стремящаяся обеспечить действительную свободу совести, рассчитана, по ее собственным словам (ст. 9), “на настоящий переходный момент”.

Дело в том, что декрет об отделении Церкви не только запрещает “издавать какие-либо законы и

постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести (п. 2), но даже обеспечивает свободное исполнение религиозных обрядов, поскольку они не нарушают порядка" (п. 5). При таких условиях гонения на мощи являются актом, явно не закономерным с точки зрения советского законодательства.

...Галкин и Шпицберг явно увлекают РСФСР на тернистый путь гонения религий со стороны государства и стеснения свободы совести. Примеры древнеримских императоров, инсценированные процессы по делам инакомыслящих епископов во времена господства христианствующих царей, судебные трибуналы доминиканцев и костры инквизиции в Испании, Франции, Германии, Нидерландах, кажется, должны были бы убедить людей XX века в непригодности системы гонений и невозможности насильем побороть идею свободной совести. Если допустить возможность гонений на религиозный культ в РСФСР, то как же это можно согласить с Конституцией (ст. 21), предоставляющей в России "право убежища за религиозные преступления?.."

9 августа 1920 г.

Патриарх Тихон.*

На подобных письмах псевдонародные комиссары чаще всего оставляли короткую резолюцию: "Оставить без последствий". И совсем по-иному они обходились с бумагами, в которых требовали усилить репрессии против Церкви и ее Первоиерарха. Например, Секретный отдел ВЧК инструктирует

председателя ВЦИКа: "Появление Патриарха Тихона на церковных службах не только в селах, но и в городе Москве будет вызывать большое скопление богомольцев и тем самым: 1) дает возможность духовенству торжественными богослужениями влиять на массы в смысле поднятия своего престижа; 2) провокаторским и контрреволюционным элементам воспользоваться скоплением народа в своих целях для агитации и тому подобных нежелательных для нас действий".

Вот такую бумагу секретарь ВЦИКа Авель Енукидзе не скомкает и не бросит в корзину, он на ней с радостью начертает "Согласен" и тут же засядет за ответ: "Настоящим сообщается, что Президиум ВЦИК согласен с заключением Секретного отдела ВЧК по вопросу о нежелательности появления патриарха Тихона на церковных службах".

Да когда же такое еще было, чтобы власть, обладающая грозной армией и еще более грозным репрессивным аппаратом, испугалась... богослужения!

Любил Патриарх Тихон служить в московских храмах. Обычно выезжал он из дома в карете, а когда ее реквизировали — в открытом экипаже, благо, что любой извозчик готов был целыми днями бесплатно катать Московского Святителя. Нередко перед Патриархом ехал иподиакон в стихаре, с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался, снимал шапки и терпеливо ждал появления Патриарха. Около церкви ему под ноги охапками бросали цветы и еловые ветки. Бывало, протиснется через толпу старушка, падет на колени: "Возьми, Господин наш, от рабы Божией Стефани-

ды”, — и протянет Патриарху сверточек с носками и кусочком мыла. Да разве есть подарок дороже ее скудного дара!

Нередко выезжал Патриарх в другие города, и эти события становились всеобщим праздником. В Богородске, промышленном городке Московской губернии, Тихона встречали как Царя, побросали работу и запрудили улицы. В Ярославле даже местные комиссары вынуждены были принять участие во встрече Патриарха. А его поездка в Петроград походила на триумфальное шествие. Железнодорожники выделили Патриарху особый, с любовью подготовленный ими вагон. На всех остановках в пути возле поезда собирались тысячи радостных людей, чувствовавшие в Патриархе свою единственную опору, утешение, надежду.

По прибытии на Николаевский вокзал Петрограда Патриарха встретил с Крестным ходом Митрополит Вениамин, выразивший радость всех жителей города по случаю прибытия к ним Главы Русской Церкви и закончивший свое приветствие уверением, что и сам он, и духовенство, и все верующие готовы за Веру и Церковь принести любые жертвы и даже умереть.

— Умереть нынче немудрено, — улыбнулся в ответ Тихон. — Нынче труднее научиться, как жить.

Русская Церковь пыталась выжить, оставаясь незабываемой твердыней, продолжая молиться и верить по старине. И наивными мечтателями оказались те из правителей, кто обещал в три-четыре года полностью уничтожить Православие. Но каждо-

дневная работа сотен воинствующих безбожников, посулами скорого благоденствия и угрозами репрессий перетянувших в свои ряды тысячи молодых людей, была не бесплодна. И если они не сумели разбить единство Церкви и Народа, то преуспели в физическом уничтожении духовенства.

“Смею уверить Вас, — пишет Патриарху Архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий, — все мои сослуживцы — мученики”.

Со всех епархий нескончаемым потоком текут к Патриарху телеграммы, письма, идут посланцы с рассказами, которые опасно доверить бумаге, и отовсюду стон, мольба о помощи, предсмертная исповедь. Патриарх утешает малодушных, слезно молит умерить свою алчность власть имущих, благословляет на Крестный путь Новомучеников Русской Церкви. А тяжкие вести текут и текут...

Киевский Митрополит Владимир, еще недавно вручивший в Успенском соборе Патриарху посох Митрополита Петра, избит, ограблен и расстрелян. Архиепископ Воронежский и Задонский Тихон повешен на царских воротах церкви Митрофаниевского монастыря. Архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, прославившегося миссионерской деятельностью в Японии, отрезав уши и выколов глаза, долго водили по улицам Перми и наконец утопили в реке. Архиепископ Черниговский Василий и Пермский викарный Епископ Феофан, приехавшие в Пермь для расследования убийства Андроника, при выезде из города схвачены и расстреляны. В Тобольске замучили Архиепископа Гермогена, в Свяжске умертвили, привязав к хвосту

лошади, Епископа Амвросия, в Самарской губернии Епископа Исидора посадили на кол и так предали мученической смерти. Медленно убивали Епископа Никодима, расчетливо ударяя по голове железным прутом. Ревельского Епископа Платона обливали на морозе водой, пока не превратили в ледяной столб...

Старцы, Святые старцы, за что прогневались на вас разбойники, что не пожалели седины ваших? Прогневались, потому что власть сказала: вот они, в подрясниках, враги народа, делайте с ними что хотите и помните, что в тайниках у них груды золота, по праву принадлежащие вам. Старцы, Святые старцы, за что же власть прогневалась на вас? Прогневалась, потому что сама захотела стать богом, потому что поняла, что народ не желает менять веру в Спасителя на веру в мировой коммунизм, и решила осмеять, осквернить тех, кто несет Слово Божие людям.

...Священника Никольского вывели из женского монастыря Марии Магдалины, заставили раскрыть рот, вложили в него дуло маузера и со словами "Вот мы тебя причастим" выстрелили. Священнику Дмитриевскому, которого поставили на колени, сначала отрубили нос, потом уши и наконец голову. В Херсонской епархии трех священников распяли на крестах. В городе Богодухове всех монахинь, не пожелавших уйти из монастыря, привели на кладбище к раскрытой могиле, отрезали им сосцы и живых побросали в яму, а сверху бросили еще дышащего старого монаха и, засыпая всех землей, кричали, что справляется монашеская свадьба.

Каждый день приносил новые вести об истязаниях и казнях. Конечно, они рождали у народа страх за себя, за своих детей. Но укрепляли и веру — веру в Мучеников. И уже не шутливую сказку о попе, любящем выпить и поесть, повторяли из уст в уста, а житие священника, убиенного за непоколебимую веру христианскую.

Передавали другу другу рассказ, как в Спасовом монастыре вывели из кельи иеромонаха Афанасия и за конюшней сообщили, что настала пора его расстрелять. Монах встал на колени, помолился, перекрестился, затем поднялся, благословил палача и поднял руки вверх. Двумя выстрелами в упор убийца расправился с благословившим его пастырем.

Повторяли историю о настоятеле Казанского собора протоиерее Орнатском. Его привели на расстрел с двумя сыновьями и спросили: “Кого сначала убить — вас или сыновей?” Отец Орнатский ответил: “Сыновей”. Пока расстреливали юношей, он, став на колени, читал “отходную”. Расстреливать отца Орнатского взвод красноармейцев отказался. Отказались стрелять в молящегося коленопреклоненного старца и вызванные китайцы. Тогда к батюшке подошел вплотную юный комиссар и выстрелил из револьвера в упор.

Льется и льется кровь Мучеников, в терновом венце поднимается Русская Церковь на свою Голгофу, и вождь ее, кроткий и верный Тихон, зовет оставшихся в живых верных чад своих не гневаться, не приходить в отчаяние, и без страха нести свой Крест, оставаясь верными учению Христа, любовью и покаянием обороняясь от пули и меча:

“Божией Милостью мы, смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России, всем верным чадам Святой Православной Российской Церкви.

Господь не перестает являть милости Свои Православной Русской Церкви. Он дал Ей испытать себя и проверить Свою преданность Христу и Его заветам не во дни только внешнего Ее благополучия, а и во дни гонений. День ото дня прилагаются Ей новые испытания. День ото дня все ярче сияет Ее венец. Многажды беспощадно опускается на Ее озаренный смирением лик бич от враждебной Христу руки и клеветнические уста поносят Ее безумными хулами, а Она по-апостольски — в тщету вменяет горечь Своих страданий, вводит в сонм небожителей новых мучеников и находит утеху для Себя в благословении Своего небесного жениха: Блаженны вы, когда вас будут поносить и гнать и всячески злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь (Мф. 5, 11).

Чадца Мои! Пусть слабостью кажется иным эта Святая незлобливость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, это противопоставление испытаниям и обычной человеческой привязанности к благам земли и удобствам мирской жизни христианских идеалов; пусть “невместимо” — “жестоко” кажется омирщенному пониманию радость, черпающая себе источник в страданиях за Христа, — но Мы умоляем вас, умоляем всех Наших Православных чад, не отходить от этой единственно спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестного, ниспосланного нам Богом, на путь восхищения мир-

ской силы или мщения. Не омрачайте подвига своего христианского возвращением к такому пониманию защиты благополучия, которое унизило бы Ее и снизило бы вас до уровня действий Ее хулителей. Убереги, Господи, нашу Православную Русь от такого ужаса.

Трудная, но и какая высокая задача для христианина сохранить в себе великое счастье незлобия и любви и тогда, когда ниспровергнут твой враг и когда угнетенный страдалец призывается изречь свой суд над недавним своим угнетателем и гонителем. И промысл Божий уже ставит пред некоторыми из чад Русской Православной Церкви это испытание. Зажигаются страсти. Вспыхивают мятежи. Создаются все новые и новые лагеря. Разрастается пожар сведения счетов. Враждебные действия переходят в человеконенавистничество. Организованное взаимоистребление — в партизанство, со всеми его ужасами. Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья с злой для него действительностью какой-либо партии и с некоторыми перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе не причастных причинам, пролившим такое озлобление.

Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. Да не обагрится твоя рука в крови, вопиющей к Небу. Не дай врагу Христа, диаволу, увлечь тебя страстию отмщения и посрамить подвиг твоего исповедничества, посрамить цену твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа. Помни: погромы — это бесчестье для тебя, бесчестье для Святой Церкви! Для христианина идеал — Христос, не извлекавший меча в Свою защиту, утихомиривший сынов грома, на кресте молившийся за Своих врагов. Для христианина путеводный светоч — завет святого Апостола, много претерпевшего за своего Спасителя и смертью запечатлевшего преданность Ему: не мстите за себя, возлюбленные. Но дайте место гневу Божию. Ибо сказано: Мне отмщение и Я воздам, говорил Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его. Если жаждет, напой его. Ибо делая сие, ты соберешь на голову его горящие угли (Рим. 12, 19-20).

Мы не говорим уже о том, что пролитая кровь всегда вызывает к новой крови. И отмщение — к новому возмездию. Строительство на вражде — строительство на вулкане. Взрыв — и снова царство смерти и разрушения. Наша боль — боль за светлость и счастье Нашей Святой Церкви, Наших чад. Наши опасения — что некоторых из них может прельстить этот новый, уже показывающий зияющую пасть зверь, исходящий из бездны клокочущего страстями сердца человеческого. Одним порывом мщения навсегда запятнаешь себя, христианин, и вся светлая радость нынешнего твоего подвига — страдания за Христа — померкнет, ибо тогда где

дашь ты место Христу.

Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложниками берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им и в свидетельство преданности и в искупление вины злоумышленников воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно непричастных к этим покушениям, и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань.

Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет! Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть нам приносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов, или тех, кто кажется нам

источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему! Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмищения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром (Рим. 12, 21).

Чадца Мои! Все православные русские люди! Все христиане! Когда многие страдания, обиды и огорчения стали бы навевать вам жажду мщения, стали бы проталкивать в твои, Православная Русь, руки меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, — отбрось далеко так, чтобы ни в минуты самых тяжких для тебя испытаний и пыток, ни в минуты твоего торжества, никогда-никогда рука твоя не потянулась бы к этому мечу, не умела бы и не хотела бы нести его.

О, тогда воистину подвиг твой за Христа в нынешние лукавые дни перейдет в наследие и научение грядущим поколениям, как лучший завет и благословение: что только на камени сем — врачевании зла добром — созиждется нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Цркви в русской земле, и неуловимо даже для врагов будет Святое имя Ее и чистота подвига Ее чад и служителей.

Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братие. Аминь (Гал. 16, 18)".

9

Дореволюционная Россия была запаслива, голод, пришедший на Русскую землю время от времени, приучил и мужика, и государство иметь и зерно, и

капиталец на случай крайней нужды.

За годы военного коммунизма (1918-1921) истощился запасец — часть продотряды забрали, часть сам мужик проел. Новые урожаи были ничтожны, чему находилось несколько причин: отток крестьянства в армию, уничтожение крупного землевладения, сокращение посевных площадей из-за непомерных налогов и насильственного захвата хлеба.

Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. Начался отродясь невиданный на Русской земле голод, а следом шли его верные спутники: тиф с малярией, беженцы, дети-сироты, самоубийства, преступность. Ели глину, кору, полевых животных, трупы умерших. С Поволжья голод перекинулся на Сибирь, Крым, часть Украины, Азербайджана, Киргизии... По официальным данным, к началу 1922 года голодающих насчитывалось свыше 23 миллионов.

Молодая Советская власть в это время была озабочена войною в Карелии, укреплении Красной Армии, пропагандой мирового коммунизма, борьбой с контрреволюцией и религией, покупкой дворцов для своих полпредов и предложила возглавить борьбу с голодом общественным организациям. Был создан беспартийный Всероссийский комитет помощи голодающим, куда вошли врачи, адвокаты, писатели, учителя. Комитет развернул воистину грандиозную работу. На выручку голодающим пришли крестьяне и сельские кооперативы благополучных губерний, профсоюзы рабочих, солдаты Красной Армии и милиционеры, иностранные державы, русские эмигрантские организации...

Но прежде чем получить помощь надо было добиться, чтобы весть о вымирании российского народа дошла до каждого благополучного жителя мира и он поверил бы словам. Одним из первых просителей за свой народ стал Патриарх Тихон. В августе 1921 года он основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим (вскоре признан ВЦИКом излишним и упразднен) и обратился с воззванием “К народам мира и православному человеку”:

“Величайшее бедствие поразило Россию.

Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделявших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдели и селения превратились в кладбища непогребенных мертвецов. Кто еще в силах, бежит из этого царства ужаса и смерти без оглядки, повсюду покидая родные очаги и земли. Ужасы неисчислимы. Уже и сейчас страдания голодающих и больных не поддаются описанию, и многие миллионы людей обречены на смерть от голода и мора. Уже и сейчас нет счета жертвам, унесенным бедствием. Но в ближайшие годы оно станет для всей страны еще более тяжким: оставленная без помощи, недавно еще цветущая и хлебородная земля превратится в бесплодную пустыню, ибо не родит земля непосеянная и без хлеба не живет человек.

К тебе, Православная Русь, первое слово Мое:

Во имя и ради Христа зовет тебя устами Моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спеши на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата. Пастыри

стада Христова! Молитвою у Престола Божия, у родных Святых, исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святими Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на Святой подвиг и его совершая, — да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к Святому делу спасенияч погибающих. Паства родная Моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоём святые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в години тягчайших бед собиравших своею беззаветною верою и самоотверженной любовью во имя Христова духовную русскую мощь и ею оживотворяющих умиравшую русскую землю и жизнь. Неси и ныне спасение ей — и отойдет смерть от жертвы своей.

К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей с голода. Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос Мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедленно! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!

К Тебе, Господи, воссылает истерзанная земля наша вопль свой: пощади и прости, к Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ Твой руки свои

и мольбу: прости и помилуй.

Во имя Христово исходим на делание свое: Господи, благослови”.

Надо было спасти жизнь миллионов людей, накормить их и снабдить семенами для посева, предотвратить эпидемии, которые разрастались из-за непогребения трупов и употребления в пищу суррогатов, восстановить крестьянские хозяйства, оставшиеся без лошадей и рогатого скота. Надо было помочь самым несчастным жертвам голода — детям. Они первыми гибли от рук родителей, которые не хотели быть свидетелями их мученической смерти. Они становились сиротами, бродягами, с юных лет познавшими зло, ложь, воровство, убийство, бездуховность и множество иных пороков, идущих следом за голодом.

Одна за другой стали голодающими Симбирская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Марийская, Нижегородская, Пензенская, Царицынская, Астраханская, Уральская, Оренбургская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Ставропольская губернии, Татарская, Башкирская, Чувашская, Терская и Горская республики, Немецкая коммуна...

И мир откликнулся на мольбу о помощи Патриарха Московского и всея России, на обращения общественных организаций и частных лиц.

“Американская административная помощь” (АРА) выделила голодающим в течение года 25 тысяч вагонов продовольствия. Городской совет города Цюриха ассигновал 50000 франков. Римский папа пожертвовал один миллион лир. Коммунальный совет Вероны — 10 тысяч лир. Люксембург 100 тысяч

франков. Амстердамский интернационал — 794400 голландских гульденов. Поплыли в Россию груженые продуктами пароходы английского, нидерландского, бельгийского, шведского, чехословацкого, итальянского, норвежского комитетов Красного Креста. Югославия приютила у себя 40 тысяч голодающих. В Казани, Самаре, Саратове немецкие и шведские делегаты устроили кухни и кормили более 200 тысяч человек ежедневно. Бельгийское правительство выделило 750 тысяч франков для помощи русским детям. Австралия направила пароходы с бычачьим мясом. Многие народы мира предложили принять у себя и прокормить голодающих детей...

Но за рубежом были обеспокоены: а доходит ли их помощь до голодающих?

“Нансену не удалось убедить европейцев послать помощь русским без контроля с их стороны при распределении. Так как советы контроль этот отвергают, то их жертвы продолжают умирать с голоду”.

(“Le деуар”, Деммон, Швейцария, 22.10.21)

Иностранные державы не верили Советскому правительству, но помощь не прекратили, потому что верили своим газетам:

“На Волге смерть грозит 50 миллионам людей, если туда не будут поставлены съестные продукты”.

(“Трийюн де Лозанн”, Лазанна, 26.10.21)

“Ф.Тамлер, глава делегации, посланной в Россию немецким Красным Крестом, вернувшись из России, рассказывает следующее: “Я исследовал все голодающие области Татарской республики. Положение хуже, чем мы думали. Нужно хлеба и еще хлеба.

Дети умирают кучами. Тиф здесь свирепствует. Госпитали пустуют вследствие недостатка пищи”.

(“Франс либр”, Париж, 16.01.22)

“Д-р Эйдук, представитель советов при организации Нансена, утверждает, что случаи канибализма были весьма нередки”.

(“Эклер”, Париж, 23.01.22)

А Советская Россия в это время продавала хлеб за границу!

Заведующая отделом ЦК ПОМГОЛа (Центральный комитет помощи голодающим) О.Каменева при этом не стеснялась давать интервью: “Существование и возрождение хозяйства России без вывоза за границу нашей единственной валюты — хлеба — абсолютно невысказано”.

Ей вторил ее начальник — заместитель председателя ЦК ПОМГОЛа А.Винокуров: “Вывоз хлеба за границу является в настоящее время экономической необходимостью. При переходе на рельсы новой экономической политики в руках крестьян благополучных районов образовались излишки, которые не могут быть выгодно реализованы на внутреннем рынке благодаря низким хлебным ценам”.

Работники ВЦИКа, пришедшие к руководству ПОМГОЛа взамен арестованного, беспартийного комитета, не желали замечать трагедию, которая коснулась всех.

Крестьянин Моргачев вспоминает: “В это время, зимой 1922 года голодающие Поволжья, женщины с детьми шли по направлению к Москве. Доходили и до нас, крайне истощенные и обессиленные. Многие

по дороге замерзали. Иногда мать с ребенком или двумя лежит на краю дороги — замерзшие. Жалко и больно было смотреть на них, на этих голодных детей. Многие делились с ними чем могли. Я встретил одну женщину, она рассказала про свою сестру. Они жили в селе под Самарой. Где голод, там и болезни. Муж умер. Соседи затащили мертвого в подвал, а его жена лежала в беспамятстве и все время просила есть, и соседи стали отрубать от мертвого мясо, варить и кормить его жену. Та стала поправляться и уже стала ходить и наткнулась на останки своего мужа, поняла, чем ее кормили, и сошла с ума”.

Писатель Осоргин пишет в своей автобиографической повести: “Я не видел голода, хотя к зиме страшного года был сослан в Казанскую губернию, где вымирали татарские селения. Вернее, видел я только забредших в город Казань, чудом выживших деревенских людей. Появлялась на улицах человеческая тень в отрепьях, становилась у стены с протянутой рукой. Давали мало, хоть деньги ничего не стоили, да и не были настоящей помощью тысячные, стотысячные, миллионные бумажки. Это я видел. И еще видел детей, черемисов и татарчат, подобранных по дорогам и доставленных на розвальнях в город распорядительностью Американского комитета (АРА). Привезенных сортировали на “мягких” и “твердых”. Мягких уводили или уносили в барак, твердых укладывали ряд на ряд, как дрова в поленище, чтобы после предать земле”.

Писатель Замятин отмечает в своем дневнике: “Голод на Волге. В одной волости — ели лепешки из конского навоза. В другом селе — распарили и съели

резиновую калошу, забытую американцем. Только что павшую лошадь — еще теплую — ели сырым. Прошлогодние листья — деликатес. Вокруг стоит голая черная роща: всю кору содрали и съели. Приносили в контору руки и головы съеденных людоедами. На носилках в столовую притаскивали больных тифом. Голодный зеленый блеск глаз. Взрослые умирают: кормят в первую очередь детей. Лошади могли везти только по пять пудов. Могилы кругом города, где попало. Голодные двинулись ордами. Исход из Египта... Слухи о "хлебных" Туркестане и Ташкенте — туда. Кордоны".

И в те же дни, когда Патриарх Тихон обратился с Воззванием о помощи умирающей России, Каменев в своей хвастливой речи на весь мир заявил о "победе" Советской власти над голодом. Литвинов в Гааге заверил иностранцев, что в 1922 году голода в России не будет и в помине. И одновременно Советское правительство с радостью принимает иностранную помощь голодающим. Но вот уже Чемберлен отказывает в кредитах: "Советы только что купили в Лондоне для службы их главного штаба дом, стоящий 250 тысяч фунтов стерлингов. Дворец этот предоставлен Красину, окруженному целой армией стенографисток и дактилографисток... Не проще ли, чтобы Советы продали этот дворец, чтобы купить провиант, а мы бы сохранили деньги для наших двух миллионов безработных".

Удручающее впечатление произвела на всех, кто искренне желал помочь голодающим, ликвидация беспартийного Всероссийского комитета помощи голодающим и создание вместо него партийного ПО-

МГОЛа. Прежний комитет с первых дней своего существования занял независимое по отношению к Советской власти положение, самостоятельно вел переговоры с иностранными державами, выпускал свою газету, имевшую колоссальный успех, требовал от ВЦИКа действенной, конкретной помощи... За что сразу же после роспуска и поплатился — казнями сотен его членов.

Не менее удручающим событием была кровавая бойня, устроенная армией Блюхера над русскими крестьянами, искавшими спасения от голода поселением на китайской территории.

Но самым всеохватным событием, потрясшим весь мир и, в первую очередь, вымирающую Россию, стала приуроченная к голоду кампания по изъятию церковных ценностей. Началась она так...

20 декабря 1921 года (2 января 1922 года) вышел декрет об изъятии музейного имущества. И тут же в газетах появились воззвания, где “представители голодающих” просили власть принять меры, чтобы излишнее церковное имущество пошло на прокормление голодных.

‘3 (26) февраля, в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, ВЦИК постановил: “Предложить местным Советам немедленно изъять из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы НК Фина со специальным назначением в фонд ЦК ПОМГОЛ”.

15 (28) февраля издано послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей, в котором Первоиерарх разрешил добровольные пожертвования церковных ценностей за исключением освященных предметов.

И Церковь отдавала свое добро, накопленное веками. Отдавала не без печали, ибо тяжело было видеть искони богатые украшениями храмы без их праздничных торжественных одежд. Но разве можно остановиться перед жертвою, когда огромные пространства родины объаты смертью, когда вымирает кормилец страны — российский крестьянин?!

Не везде изъятие ценностей проходило гладко. Во-первых, потому, что добровольная сдача была вредна властям — она поднимала авторитет Церкви. Во-вторых, потому, что изъятие самими властями происходило грубо, с угрозой применения оружия, с попранием религиозных чувств верующих, с требованиями сдать предметы культа, священные для Церкви. В-третьих, и это было главное, — прихожане не верили, что церковные ценности пойдут на нужды голодающим.

2 (15) марта, предчувствуя возможность кровавых столкновений во время изъятия церковных ценностей, Патриарх выступил в газете “Известия ВЦИК” с разъяснением своей позиции:

“Помняту зазет Христа: отдай рубашку ближнему своему, если у тебя есть две рубашки, — Церковь не может оставаться равнодушной к тем великим страданиям, которые испытывает голодающий народ. Эти слова я приводил в своем воззвании, когда предлагал жертвовать в

пользу голодающих церковные ценности еще до постановления об изъятии золота, серебра и драгоценных камней из церковного имущества, находящегося в распоряжении общин верующих.

В своем воззвании я перечислял эти ценности, подвески, кольца, браслеты, пожертвованные для украшения икон, предметы церковной утвари, не применяемые для богослужения, и старый серебряный лом.

Я надеюсь, что комиссия при ПОМГОЛе для ликвидации пожертвованного церковного имущества отнесется с должной осторожностью к самой ликвидации”.

К сожалению, кровавых стычек не удалось миновать. Одна из них произошла в городе Шуре Иваново-Вознесенской губернии.

28 февраля (13 марта), в понедельник, в Шуйский соборный храм после богослужения прибыла уездная комиссия по изъятию ценностей и потребовала немедленно сдать для помощи голодающим все украшения из золота, серебра и драгоценных камней.

Толпа прихожан ответила комиссии укорами и злобными выкриками:

— И не стыдно? Комиссары сами не идут, вас, дураков, на богохульное дело посылают, а вы как послушное стадо.

— Ключи не дадим, Божия Матерь не допустит грабителей.

— Да вы думаете, они и вправду для голодающих берут? Все комиссарам на галифе пойдет.

Бабы, указывая на мальчишек, издали метнувших в комиссию несколько камней, укоряли мужиков:

— Постыдились бы, дети церковь защищают, а вы стоите. Взяли бы по колу и огрели нехристей.

Страсти накалялись, и комиссия подобра-поздорову убралась, когда почувствовала, что ей сейчас намнут бока. В среду же она явилась вновь, но уже с отрядом конной милиции.

С колокольни ударили в набат. Рабочие и крестьяне окрестных деревень побросали дела и поспешили на соборную площадь. Угрозами, камнями и поленьями толпа отогнала конную милицию от храма. Тогда городские власти вызвали роту 146 пехотного полка. Солдаты рассыпчатым строем, с винтовками наизготовку двинулись на толпу, а толпа с поленьями и кольями полезла на штыки. Рота дрогнула, четырех красноармейцев избили и отняли у них винтовки. Но тут прибыли два автомобиля с пулеметами и дали очередь по взбунтовавшейся толпе. Четверых убили, десятерых тяжело ранили, и толпа рассеялась. К вечеру были произведены аресты прихожан, наиболее громко заступавшихся за свой храм, одновременно комиссия по изъятию церковных ценностей набрала в храме священных сосудов, риз, паникадил, подсвечников на три с половиною пуда серебром.

Новые хозяева Московского Кремля, узнав о событиях в Шуе, впали в растерянность: как поступать дальше? Если в маленькой спокойной Шуе изъятие прошло не совсем гладко, то что ожидать от крупных городов? Справимся ли?

6 (19) марта Ленин диктует:

“Строго секретно.

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а

каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои заметки на самом документе.

Ленин.

Товарищу Молотову для членов Политбюро.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготовлявшемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. События в Шуе лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него осо-

бенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас, именно данный момент из себя представляет не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать скольконибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо произвести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно невыполнимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во

что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей остается безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т.е. эсерам и мялюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что

мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самою кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом и косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично

сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был поведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г.Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо имен-

но теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т.е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т.Троцкого и т.Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

19.III.22

Ленин

Прошу т.Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основою каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

19.III.22

Ленин

Приняла по телефону М.Володичева.*

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) письмо Ленина обсудили, одобрили и был принят предложенный Л.Троцким "Проект директив об изъятии церковных ценностей". Вот несколько его пунктов:

"...6. Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти

тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия.

7. Разумеется, наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных “князей церкви”.

8. На все время кампании, особенно в течение недели, необходимо обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группах духовенства, верующих и пр.

9. В случае обнаружения в качестве организаторов выступления буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников и пр. арестовывать их заправил. В случае необходимости, особенно если бы черносотенная агитация зашла слишком далеко, организовать манифестацию с участием гарнизона при оружии с плакатами: “Церковные ценности для спасения жизни голодающих” и пр.

10. Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, но официально (под расписку через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми.

11. Наряду с агитационной работой должна идти организационная: подготовить соответственный аппарат для самого учета и изъятия с таким расчетом, чтобы эта работа была проведена в кратчайший срок. Изъятие лучше всего начинать с какой-либо церкви, во главе которой стоит лояльный поп. Если

такой нет, начинать с наиболее значительного храма, тщательно подготовив все детали (коммунисты должны быть на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть поблизости и пр.)”

И в письме Ленина, и в директивах Политбюро ЦК РКП(б) почти не говорится о голоде, нет ни слова о том, на какую сумму нужна помощь и как ее доставить умирающим. О голоде забыли, единственная задача: дискредитация и уничтожение Русской Православной Церкви. И тотчас заработал механизм государственной машины, механизм лжи и обмана:

“Сов. секретно.

Выписка из протокола № 4 заседания Бюро Центральной комиссии от 29 марта — 22 г.

Присутствовали: тт. Белобородов, Уншлихт, Яковлев, Базилевич, Красиков, Винокуров, Медведь, Осипов.

Слушали: ...3. О направлении приезжающих крестьян из голодных губерний в МК для ведения агитации и выступлений на митингах.

Постановили: 1. Направить в МК только тех лиц, о которых выяснено, что они действительно являются сторонниками изъятия”.

В кампанию травли Церкви включились поэты:

Мы нищи. А в церквях и соборах
Драгоценностей ворох.
Не христиане, а звери те, кто
скажут тут —
“Не дадим золота — пусть мрут”.

(В.Маяковский)

Советская интеллигенция:

“И вот этот-то царь-народ, воплощенный в Советском правительстве, хочет теперь взять то, что он, и никто другой, раньше давал, и взять он хочет не на войну, и не на политику, а на борьбу с голодом”.

(А.Луначарский)

Высшая власть понимала, что народ не позволит грабить храмы, что прольется кровь, и тогда будет повод уничтожить Русскую Православную Церковь. Губернская и уездная власть не рассуждала ни о чем, получив приказ, а в духе революционного оптимизма созывала верных людей, вооружала их и посылала за церковными ценностями. Люди же, шедшие с оружием в храмы, верили словам своих вождей: народу нужен хлеб, иначе миллионы голодающих погибнут, хлеб можно купить за золото, которым набиты церковные подвалы.

И потонули в быстро организованной кровавой бойне слова Патриарха, обращенные к верным чадам Русской Церкви:

“...Нужно, чтобы деяние ваше шло, как благословение, а не как побор, чтобы оно было по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотна дателя любит Бог (2 Кор. 9, 5,7).

И посему горестью исполнилось сердце наше, когда до слуха нашего достигли вести о побоищах и кровопролитии, бывших в иных местах при отобрании церковных вещей. Верующие имеют законное право заявлять и требовать от властей, чтобы при

этом не было никакого оскорбления, тем более поругания религиозного их чувства, чтобы сосуды как священные предметы при святом причащении не могущие, по канонам, иметь употребления несвященного, подлежат выкупу и замене их равноценными материалами, чтобы к наблюдению за правильностью расходования церковных ценностей именно на помощь голодающим привлекались представители от самих верующих. И тогда, при соблюдении всего этого, не будет места какому-нибудь от верующих гневу, вражде и злобе, ибо не ко мщению и возмущению мы зовем их, а к любви Христовой”.

Кое-где слово о братской любви Архипастыря, кое-где уважительное отношение к верующим со стороны “комиссий по изъятию” все же помогали мирному исходу передачи властям церковного имущества. Но не везде. В Москве и Петрограде, во многих губернских и уездных городах пролилась кровь безоружных верующих, защищавших церковное добро, потом прошли шумные судебные процессы с обязательными расстрелами “зачинщиков беспорядков”. К ним причислили и добрейшего Петроградского Митрополита Вениамина, сотни и сотни священнослужителей и мирян.

Не должна была миновать смертная чаша и Патриарха. На московском процессе “54”, начавшемся 13 (26) апреля 1922 года и закончившемся одиннадцатью смертными приговорами, Главе Русской Церкви было предъявлено два обвинения: препятствовал спасению жизни погибающих от голода и сочувствовал контрреволюционному движению в период гражданской войны. Но слушание

дела, на котором Патриарху Московскому и всея России должны были вынести смертный приговор, вдруг отложили сначала до конца года, а потом и вовсе до середины 1923-го...

Попали ли голодающим изъятые с такой жестокой расчетливостью церковные ценности? Часть, наверное, попала, малая часть. Не было полного учета стоимости этих ценностей, не было возможности наладить их быструю и четкую продажу за продовольствие.

Все золото и серебро Церкви свозили в Москву, и оно оседало в Государственном хранилище и Наркомате финансов. Документы о награбленном церковном имуществе пестрят однотипными записями: "Оценка предварительна и неточна".

Самые голодные губернии просили Москву разрешить оставить у себя хоть немножко золотишка, чтобы как можно скорее купить на него хлеб и спасти умирающих. Ответ Центра был один: все в Москву, все в Гохран.

Часто прихожане предлагали выскрести из своих амбаров последние запасы зерна и отдать их властям, лишь бы их родному храму вернули его реликвию. Но из Кремля, из комнаты № 54, где заседал президиум ЦК ПОМГОЛа, шли ворохи одинаковых телеграмм в губернские исполкомы: "Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами недопустима".

Кто же объяснит логику этих телеграмм? Официальный руководитель "помощи голодающим" тов.

Калинин? Или его официальные помощники гг. Смидович, Винокуров, Каменева, Брихничев, Тиртадов, Фрейман, Крумовец?.. Или тот, кто 6 (19) марта 1922 года начертал план кампании?..

10

Летом 1922 года Патриарх Московский и всея России Тихон был препровожден в тюрьму. Начались каждодневные бесконечные допросы, которые должны были увенчаться показательным процессом над Русской Православной Церковью и казнью ее Первоиерарха, изрядно поднадоевшего властям своим заступничеством за казнимых и ссылаемых, неуступчивостью в выполнении директив кремлевских вождей.

Но и это испытание было не последним. Часть духовенства, объединившаяся в организацию “Живая церковь”, решила обогатить Патриарха и с помощью подлога попыталась возглавить Русскую Церковь, “обновить” ее.

Начало обновленчеству, дух которого уже витал над Россией в конце XIX века, положил Всероссийский Союз демократического православного духовенства и мирян, созданный 7 марта 1917 года в Петрограде. Главным качеством Союза было — раболепие перед привительством, главной целью — захват церковной власти. Всю историю Русской Православной Церкви один из столпов обновленчества протоиерей Александр Введенский представлял как веселое житье духовенства за счет

церковного капитала и постоянное угнетение архиереями священников. "Разобшение с действительной жизнью, — провозглашали живцы, как их называли православные священники, — и презрение к ее нуждам и страданиям было основным грехом старого церковного быта и старого церковного мировоззрения".

Живцы возносили "многие лета благовернейшему Совнаркому"; заменяли кресты на могилах красными звездами; развешивали в своих церквях и конторах лозунги: "Обновленческая церковь есть форма коллективизации народного духа на началах религии", "Разными путями, но мы идем к одной цели — к устроению Царства Божия — социализма на земле".

И эти обновленные "священнослужители" всегда были наготове, когда требовалось предать травле Святителя Тихона. Знаменитый философ и религиозный деятель Отец Сергей Булгаков писал в защиту Патриарха от живцов из далекого Парижа:

"Страшнее смерти предательство, покинутость и измена: предательство ученика, бегство апостолов, отречение первого из них. И прежде палачей тела пришли к нему духовные палачи... подосланные и послушные своим повелителям, пришли совершить духовную казнь, лишить его священного сана, который безмерно дороже жизни. В гневе возре Господь на них и посмеялся им, и в гневе смотрит на это злодейство свободная Русская Церковь, но там, в Гефсиманском саду, нет никого, кто мог бы стереть его пот и засвидетельствовать о лжи сей: покинут и одинок, как был покинут и одинок русский царь,

повелитель миллионов. Но не отдал и не отдаст он своей власти, врученной ему Царицей Небесной, земным лиходеям, свидетельствуя тем о правоте своей: противно законам и божеским, и человеческим, писаным и неписаным, деяние разбойничьего сборища”.

Разбойничье сборище, или “прогрессивное духовенство”, как живцы именовали себя, заручившись поддержкой ГПУ, сначала все же с оглядкой выступали против Патриарха, страшась его популярности в народе. Их излюбленным методом нападков на Тихона были доносы и клеветы. Доносы в ГПУ, ВЦИК, комиссариаты, клеветы в газетах и журналах. Живцы услужливо оповещали чекистов, что на служениях Патриарха, кроме “несознательной массы”, присутствуют недовольные революцией буржуи, бывшие дворяне, купцы и другие противники Советской власти. “Прогрессивное духовенство” считало своим долгом поставить в известность репрессивные органы Советской власти, что Патриарх через Епископа Гермогена отправлял находящемуся в заключении отрекшемуся от Престола Императору благословение и просфоры. Разбойничье сборище публиковало в газетах измышления, в которых уверяло, что Патриарх втянул Церковь во время гражданской войны в контрреволюционную деятельность, что благодаря его сопротивлению изъятиям церковных ценностей произошло 1414 кровавых столкновений и что лично Тихон виноват в расстрелах священнослужителей и мирян.

И вот ими был услышан призыв Л.Троцкого ликвидировать Патриаршество. Долго не медля, живцы

12 мая 1922 года явились к находившемуся пока еще только под домашним арестом на Троицком подворье Патриарху и потребовали, чтобы он сложил с себя священный сан. Результатом стало назначение Патриархом, на случай своей смерти или заточения в тюрьму, Местоблюстителем Патриаршего Престола Митрополита Агафангела, и на дух не переносившего обновленчества в Церкви. Тогда 14 мая живцы выступили в "Известиях" с воззванием, где потребовали "суда над виновниками церковной разрухи". Только виновниками они посчитали не виновствующих безбожников, а до сих пор еще не убиенных иерархов Русской Православной Церкви. После такого "христианского" поступка главарей живцов на следующий же день принял председатель ВЦИКа тов.Калинин, который и дал добро на создание, "ввиду отстранения Патриархом Тихоном себя от власти", Высшего Церковного Управления (ВЦУ) под руководством живцов.

С помощью ГПУ ВЦУ стало превращать православные "тихоновские" приходы в "живоцерковные", с помощью угроз и лжи переманивали к себе духовенство. Но как без предательства Иуды не было бы Распятия и Воскресения Христа, так измена части клира показала силу духа оставшихся верных Патриарху священнослужителей-мучеников. Митрополит Вениамин, отлучивший живцов ("впредь до раскаяния") от церковного общения, через месяц был расстрелян. Расстрелянными или посаженными в тюрьмы оказались большинство иерархов, оставшихся верными томящемуся в заточении Патриарху.

Видя свою обездоленность и уже не веря, что Архипастырь когда-нибудь выйдет на свободу, признали ВЦУ “единственно канонически законной церковной властью” даже такие видные иерархи, как Митрополит Владимирский Сергей, Архиепископ Нижегородский Евдоким, Архиепископ Костромской Серафим.

Действовали живцы не только угрозами и насилием, но и подкупом духовенства камилавками и митрами. Но на это шли разве что глупцы, ибо не почет, а страдания несли с собой епископские одежды. Даже Восточные Патриархи Милентий и Григорий VII, надеясь жить в мире с кремлевскими вождями, признали ВЦУ, а Патриарху Тихону посоветовали сложить с себя сан.

В мае 1923 года, когда весь мир с ужасом ожидал, что вот-вот расстреляют (или уже расстреляли) Патриарха Тихона и всеми силами мировая общественность пыталась спасти Святейшего, живцы собрали Поместный Московский Собор, прозванный в народе лжесобором, решения которого, продиктованные из Кремля, были кощунственными. Лжесобор признал правильность введения в стране нового летосчисления, разрешил второбрачие духовенству и вступление в брак архиереям, узаконил закрытие монастырей и ликвидацию святых мощей, лишил Святейшего Тихона его сана и уничтожил Патриаршество, как “монархический и контрреволюционный способ руководства церковью”, о чем было с раболепством доложено во ВЦИК.

И ликовал, наверное, Л.Троцкий, год назад писавший в секретном письме членам Политбюро ЦК

РКП(б): “Не скрывая нашего материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в *ближайшее время* (выделено Троцким. — М.В.), то есть в оценке нынешней борьбы, на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме...”

Не уступали живцам в травле Патриарха, конечно, партийные и советские организации. Особенно усердствовали центральные газеты:

“Молитвы Патриарха Тихона не дошли до Господа Бога. Они были перехвачены ГПУ”, — похвалялся журналист Ольдер в “Правде”.

“Мы, беспартийные крестьяне Загарской волости, узнав, что в ближайшем будущем имеет быть судебный процесс Патриарха Тихона, заявляем, что он кровопиец в рясе, контрреволюционер и людоед... Мы требуем от центральной Советской власти вынести кровопийце Патриарху Тихону суровую и беспощадную меру наказания”, — фабриковали “письмо из глубинки” журналисты “Известий ВЦИК”.

Пресса должна была подготовить православный люд если не с радостью, то хотя бы безучастно встретить казнь своего Святителя после ловко инсценированного суда. Но “режиссеры” просчитались. Длинные свитки, усеянные подписями верующих, в которых выражалась одна просьба — выпустить Святейшего Тихона на свободу, сотнями доставлялись во ВЦИК. А ведь каждый, поставивший свою подпись под прошением, мог поплатиться головой.

Как недавно деньги на хлеб для России, так теперь во всем мире собирали подписи под воззвания-

ми к своим правительствам защитить Главу Русской Православной Церкви. Особенно много сил приложили верховные руководители церквей Великобритании, заставившие свое правительство предупредить советское о разрыве установившихся полудипломатических отношений, если Патриарх Тихон не будет освобожден.

Многие англичане в эти дни повторяли за Архиепископом Кентерберийским и Йоркским молитву:

“О, Господи! Ты, Который сказал Своим ученикам, что — поражу пастыря и рассеется стадо его, умилосердись над рабом Твоим Тихоном, Патриархом всея Руси; спаси и защити его от рук врага; защити народ его в часы тьмы и дай ему мир, ради милосердия Твоего. Ты, живущий и царствующий со Отцем и святым Духом, всегда Единый Бог. Аминь”.

Многие русские в России и за ее пределами повторяли в эти дни молитву своей Церкви за Патриарха Тихона:

“Господи и Царю всещедрый!

Призри с высоты Престола Твоего на Церковь Российскую Православную и на Святейшего Предстоятеля ея, и якоже Петра от уз и темницы неведимо свободивый, Иосифа и Манассию от заточения изведый, — соблюди невредима и ныне Пастыря Российского, Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, — укрепи его благодатию всепобеждающего Духа твоего Святаго и спаси ко благу Церкви и Отчизны.

Воссияй светом познания истины Твоя заблудшим сынам народа Российского, смири гордые и злобные сердца их и обрати их к правде, миру и

любви.

Господи многомилостливе, не отступи от нас, — вонми молитвам нашим, прости согрешения и беззакония рабов Твоих и помилуй ны, да избавлении от скорбей и бед, паки возрадуемся о Тебе, Господи, Избавителе нашем, и прославим в великолепии имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь”.

Что значит тюрьма да и сама смерть для Патриарха, еще в 1891 году принявшего монашество и навсегда отрешившегося от земных утех в угоду Церкви! Нет, собственная судьба Владыку Тихона не волновала, в темнице, в терновом венце мученика, умереть было легко и радостно. Тяжелее было жить и терпеливо нести свой Крест ради спасения Русской Православной Церкви от гонений и внутреннего раздора.

16 июня 1923 года Патриарх Московский и всея России Тихон подписал заявление в Верховный суд РСФСР и обрел свободу.

“Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный суд РСФСР, я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее:

Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъ-

ятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного Суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в своих поступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции”.

Тем, кто не понимал поступка Патриарха, он говорил: *“Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза”*.

Англиканскому Епископу Бюри, также просившему объяснить “Заявление в Верховный суд РСФСР”, Тихон напомнил слова Апостола Павла: *“Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас”* (Флп. 1, 23-24). И добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Российскому же народу не пришлось ничего объяснять, он верно понял жертву, принесенную ради паствы ее Отцом, и поклонился Патриарху до земли.

Жить Владыке Тихону разрешили в Донском монастыре. Советская власть и живцы продолжали

считать его “бывшим Патриархом”. 15 июля 1923 года Патриарх обратился с посланием к священнослужителям и всем верным чадам Православной Российской Церкви, где объяснил подлог живцов и призвал православных к покаянию:

“Более года по обстоятельствам, всем известным, Мы были отстранены от нашего пастырского служения и не имели возможности стоять лично у кормила правления, чтобы хранить освященные веками предания Церкви. Посему, как только наступили эти обстоятельства, в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок патриаршего управления в Русской Церкви, и с определением состоящего при Нас Священного Синода от 7 ноября 1920 года, признали Мы за благо передать на время нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному Нами заместителю Нашему, Митрополиту Ярославскому Агафангелу, с тем, чтобы им был созван второй поместный Собор Российской Церкви для суждения о высшем управлении Церковью и о других церковных нуждах, против чего, как Нам было сообщено, не возражала и гражданская власть. Митрополит Агафангел изъявил согласие принять на себя возложенное Нами поручение. Но по причинам, от него не зависящим, он не мог приступить к выполнению своих обязанностей. Этим воспользовались честолюбивые и своевольные люди, дабы войти во двор овчий не дверьми, а пролазя инуде (Ин.10, 1) и восхитить не принадлежащую им высшую церковную власть Православной Российской Церкви.

18 мая истекшего года к Нам, находившимся тогда в заключении на Троицком подворье, явились священники: Введенский, Белков и Калиновский (недавно сложивший с себя сан) и под видом заботы о благе Церкви подали Нам письменное заявление, в котором, жалуясь на то, что вследствие сложившихся условий, церковные дела остаются без движения, просили Нас верить им канцелярию Нашу для приведения в порядок поступающих в нее бумаг. Сочтя это полезным, Мы уступили их домогательствам и положили на их заявление следующую резолюцию: "Поручается поименованным ниже лицам, т.е. подписавшим заявление священникам, принять и передать Высокопреосвященному Агафангелу по приезде его в Москву Синодские дела при участии Секретаря Нумерова". По силе этой резолюции, им было поручено лишь принять дела и передать их Митрополиту Агафангелу, как только он приедет в Москву. О том, как они должны поступить с принятыми делами, если бы Митрополит Агафангел совсем не явился в Москву, никаких распоряжений Нами сделано не было, потому что самой возможности этого Мы тогда не могли предвидеть, а на то, что они сами в таком случае должны были бы заменить Митрополита и стать во главе церковного управления в резолюции благословения быть не могло, так как полномочия, связанные с саном епископа, не могут быть передаваемы пресвитерам. Тем не менее эту резолюцию Нашу они объявили актом передачи им церковной власти и, согласившись с епископами Антонином и Ленидом, образовали из себя так назы-

ваемое высшее церковное управление. Чтобы оправдать это самочинное деяние, они неоднократно и в печати, и в публичных собраниях утверждали, что приступили к управлению Церковью по соглашению с Патриархом ("Правда" от 21.5.22), что они состоят членами высшего церковного управления "согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона" (Прот. Введенский "Революция и Церковь", стр. 28) и "приняли из рук самого Патриарха высшее управление церковью" ("Живая церковь", № 4/5, стр. 9). На собрании 12 июня 1922 года по поводу предложения одного священника не проводить в жизнь никаких церковных реформ иначе как с благословения Патриарха, председатель этого собрания епископ Антонин заявил: "Так как Патриарх Тихон передал свою власть высшему церковному управлению без остатка, то нам нет надобности бегать за ним, чтобы брать у него то, чего в нем уже не имеется" ("Известия ВЦИК", 16.6.22, № 132).

Ныне торжественно и во всеуслышание с сего священного амвона свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления их о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви высшему церковному управлению, составленному епископами Антонином и Леонидом, священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, — не что иное как ложь и обман и что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами нашей Церкви, законных полномочий.

На таковых Святая Церковь изрекает строгия

прещения. По 16-му правилу Антиохийского Собора, епископ, отступивший от указанного порядка и самовольно вторгшийся в чужую епархию хотя бы об этом его просил и весь народ, извергается из сана за грех нарушения церковных законов. Лица, учредившие самозванное церковное управление в Москве и повинные в этом перед Церковью, отягчили свое положение еще посвящением епископов в незаконно захваченные области, так как поставили себя этим под действие 35-го прав. Свят. Апостолов, угрожающего лишением сана как посвящающим в чужой епархии, так и посвященным ими. И как же воспользовались они незаконно захваченной церковной властью? Они употребили ее не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола, чтобы лишать кафедр православных епископов, оставшихся верными своему долгу и отказавших им в повиновении, чтобы преследовать благоговейных священников, согласно канонов церковных не подчинившихся им, чтобы насаждать всюду так называемую Живую церковь, пренебрегающую авторитетом Вселенской Церкви и стремящуюся к ослаблению необходимой церковной дисциплины, чтобы дать торжество своей партии и насильственно, не считаясь с соборным голосом всех верующих, осуществлять в жизни ее желания.

Всем этим они отделили себя от единого тела Вселенской Церкви и лишили себя благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства и незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны ни-

чтожны, а все действия и таинства, совершаемые отпавшим от Церкви епископами и священниками, безблагодатны и не имеют силы, и верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе.

Сильно терзалось сердце Наше, когда до нас доносились смутные известия о церковных нестроениях, возникших в Церкви после нашего отстранения, о насилиях самочинного и самозванного церковного правительства, о возникновении и борьбе партий, о духе злобы и разделения там, где должен веять дух любви и братского единения. Но Мы ничем, кроме келейной молитвы, не могли содействовать умиротворению Церкви и уничтожению в ней этой пагубной распри, пока не получили свободу.

Ныне же, выйдя из стен заключения и ознакомившись подробно с положением церковных дел, мы снова восприемлем Наши первосвятительские полномочия, временно переданные Нами заместителю Нашему Митрополиту Агафангелу, но им, по независящим обстоятельствам, не использованные, и приступаем к исполнению своих пастырских обязанностей, моля усердно Владыку Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, да подаст нам силы и разума к устроению Церкви Своей и к водворению в ней духа любви, мира и смирения. Вместе с тем Мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые, в сознании своего долга, мужественно стояли за Богоустановленный порядок церковной жизни, и просим оказать Нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами,

а наипаче молитвами Создателю всех и Промыслителю Богу. Тех же, которые волею или неволею, ведением или неведением попощнулись в настоящем веке лукавствия и, признав незаконную власть, отпали от церковного единства и Благодати Божией, умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви.

Благословение Господне да будет со всеми Вами, молитвами Богородицы и Приснодевы Марии, Святых Отец наших Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, Святителей Московских и Чудотворцев и всех Святых Российской земли от века богоугодивших. Аминь”.

И потекли епископы и священники, изменившие в тяжелую годину своему Пастырю, в скромную патриаршую келью в Донском монастыре. Пастырь не оттолкнул кающихся, но и не прощал всех гуртом. Каждый день, при огромном скоплении верующих, Патриарх служил в разных церквях Москвы и заставлял вчерашних живцов перед лицом паствы каяться всенародно.

При Патриаршем служении в церкви в честь Иоанна Предтечи, что на Зеляном валу, всенародное покаяние принес обновленческий митрополит Серафим (Мещеряков). Он рассказал московским верующим о своем грехе:

— В настоящий торжественный священный момент я, бывший Архиепископ Серафим, всенародно каюсь в церковно-дисциплинарных преступлениях, которые заключались в следующем:

Май 1922 года навсегда останется в памяти совре-

менников и, несомненно, явится в истории Русской Церкви исключительной датой. Когда до нас, провинциальных архиереев, докатилась печальная весть о взятии Главы Церкви Патриарха, то мы растерялись и сразу почувствовали, что на Церковь нашу надвигается великая беда. Действительно, вскоре на Троицком подворье, где имел пребывание Патриарх, появилось незаконно заменившее его ВЦУ — этот корень церковного зла наших дней. 16 июня 1922 года я вместе с бывшим Владимирским, а ныне, после всенародного покаяния перед Патриархом, Нижегородским Митрополитом Сергием (бывшим Финляндским) и бывшим Нижегородским Архиепископом Евдокимом подписал известное всем из газет и в свое время нашумевшее заявление, в котором открыто признавал пресловутое ВЦУ. Сделал я это, во-первых, в силу тягостных для меня обстоятельств жизни и по независящим от меня причинам и, во-вторых, надеясь таким образом спасти общее положение Церкви, причем мы особенно рассчитывали на Собор, но наши надежды не оправдались. Вместо ожидаемых мира и блага церковного, самозванные управители только посеяли раздор и смуту, как бы на руку безбожия, словно они взяли у него подряд на разруху Церкви, а на самом деле только добивались тяжелой ценой церковных разделений стяжать себе славу и поистине прославились...

Состоя членом обновленческого синода, я имел возможность близко присмотреться к главным деятелям его и ответственным руководителям так называемого обновленчества и могу потому

засвидетельствовать, что почти все люди ничтожные в умственном и особенно в нравственном отношении.

По самом тщательном рассмотрении всех обстоятельств обновленческого движения в течение более двух лет я с несомненностью убедился, что оно в самой основе своей исполнено лжи и чудовищного обмана. Ввиду этого я ныне всей душой раскаиваюсь в своем участии в обновленчестве и в доказательство искренности своего покаяния снимаю свою подпись под вышеупомянутым заявлением 16 июня и слагаю с себя титул митрополита всея Белоруссии, полученный мной от обновленцев, а также звание члена самочинного Евдокимовского синода, какой, равно как и нечестивое сборище 1923 года, отрицаю и отрицаю. Вторая вина моя перед Православною Церковью — это мои злобные и необдуманные публичные выступления в Москве с докладом против Патриарха, в чем я, по долгом тщательном размышлении, также каюсь.

Святейший Отец наш! Прости меня, блудного Твоего сына, за мое пребывание на стороне обновленческого раскола и прими в молитвенно-каноническое общение... — Архиепископ Серафим в пояс поклонился Патриарху.

— Прости меня, многогрешного, за мои недостойные выступления против Твоей Святыни... — Архиепископ Серафим до земли поклонился Патриарху.

— Простите меня, ради Пастыреначальника нашего Христа, и вы, архипастыри и пастыри, и своей всепрощающей любовью согрейте и озарите закат моей жизни... — Архиепископ Серафим до земли поклонился священнослужителям.

— Простите меня и вы, братья и сестры, вы — непоколебимые представители истинного русского благочестия, примите от меня земной поклон за то, что своей стойкой преданностью и верностью Православной Церкви сохранили нам драгоценную жизнь Патриарха, и помолитесь обо мне Господу Богу, да укрепит Он Всесильный меня противостоять в дальнейшем всем козням дьявольским и оградит от возможных скорбей, бед и несчастий, — Архиепископ Серафим до земли поклонился народу.

— Бог простит, — ответил народ.

В течение нескольких месяцев по выходе Святейшего из темницы живцы потеряли в России большую часть присвоенных себе храмов. В Москве за ними осталось лишь три церкви! Высшее церковное управление упразднилось, его бывших главарей народ не пускал в православные храмы, всецело отдавая любовь свою *нашему Батюшке* и верным ему священникам.

11

По освобождении из темницы Патриарху Тихону разрешили поселиться в Донском монастыре (его прежний дом захватили живцы). Сюда к Святейшему со всей России стекались верующие, встречи с ним жаждали епископы, священники, миряне. Одни по делам церковным, другие — за получением патриаршего благословения, третьи — за утешением в горе. Доступ к Патриарху был свободный, келейник лишь спрашивал посетителей о цели прихода. Тихон на-

ходил ласковые слова для каждого, его простота, простота патриарших покоев, дружелюбность в беседе производили на всех сильное впечатление.

Как-то на допросе любопытный чекист спросил одного епископа: "Как вы относитесь к Патриарху?" Последовал ответ: "Я реально ощутил его святость".

Московский корреспондент парижской газеты "Энфармацион" сообщал своим читателям: "Спокойный, умный, ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей, Патриарх лишен, может быть, пышности, но он действительно очень дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала приема. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение Патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек... Женщина припала к скамье и закрыла лицо руками. Тяжелые рыдания судорожно вздергивали ее плечи. Несомненно, она пришла сюда искать облегчения в каком-то большом несчастье, и невольно пришли в голову тысячи и тысячи расстрелянных... Горожане и крестьяне, люди, главным образом, из народа, долгие часы, порою дни ждут, чтобы откры-

лась маленькая дверь и мальчик-певчий ввел их к Патриарху Тихону”.

ДомиК Патриарха находился у ворот Донского-монастыря, с левой стороны от главной колокольни. На первом этаже жил с семьей его келейник Яков Анисимович Полозов, на втором — сам Сятейший. Даже в памяти двухлетнего сына келейника, крестника Патриарха, отпечатался облик Крестного и его жилища: “Помню его кабинет с большим кожаным креслом, помню кота, который всегда лежал на его письменном столе на бумагах, и он никогда его не сгонял, не беспокоил, помню, как он на меня надевал панaгии, как я играл с Крестным в прятки и прятался в шкафу, где висели облачения”.

Но и обретенная свобода не дала покоя Патриарху. В газетах было объявлено, что трудящиеся могут не беспокоиться, следствие по делу “гражданина Белавина” (почему-то ни разу не напечатали правильно: “Беллавин”) продолжается. За каждым шагом Патриарха велось наблюдение, вскрывались письма, шедшие через государственную почту на его имя, велась слежка за близкими к нему людьми. Верующие, опасась, что их Пастыря тайно увезут в темницу, не спускали с него глаз, днем и ночью в Донском монастыре толпился народ, надеясь, что, когда люди вокруг, не посмеют взять Сятейшего.

Главным “инквизитором” при Патриархе состоял начальник Церковного отдела ГПУ Тучков. Он постоянно допрашивал своего подопечного, испытывал его провокационными предложениями, клеветал на епископов и священников.

Патриарх несказанно страдал от постоянной

опеки ГПУ. Особенно его угнетали требования пойти на то или иное соглашательство с властью (например, закрыть Высшее церковное управление за границей, перейти Православной Церкви на григорианский стиль летосчисления, допустить к управлению церковными делами отдельных живцов), за каждое из которых было обещано ослабить гонения на религию, помиловать конкретных, приговоренных к расстрелу или брошенных на каторжные работы священнослужителей. Патриарх порою шел на уступки власти, молчаливо брал на себя весь грех деяний, неугодных верным древним церковным канонам православным людям, но потом нередко, когда встречал недовольство своими решениями большинства клира и мирян, возвращался к старому ладу и винил в случившихся ошибках лишь самого себя, Великого Господина, который мог бы, но не хотел единовластно противоречить голосу своей паствы.

Постоянно, ежечасно Святейший мучился вопросом: “Доколе можно уступать безбожной власти?” Где та грань, когда благо Церкви он обязан поставить выше благополучия своего народа, выше человеческой жизни, притом не своей — жизни верных ему православных чад?

Незадолго до кончины Патриарх поведал о своих тяжелых раздумьях первому кандидату в Местоблюстители Патриаршего престола Митрополиту Казанскому и Свияжскому Кириллу.

— Ваше Святейшество, — ответил только что вернувшийся из заточения Митрополит, — о нас, архиереях, не думайте, мы теперь только и годны на

тюрьмы.

Через несколько дней Митрополит Кирилл, после допроса у чекиста Тучкова, был вновь препровожден в темницу.

Гонения на Церковь продолжались. Воинствующий атеизм опирался на учения большевиков, стоящих у руля высшей власти. Главный редактор газеты “Правда”, член Политбюро РКП(б) Н. Бухарин утверждал в популярной книжонке “Азбука коммунизма”, что вера в Бога есть выдумка буржуев.

“Все религии, все Боги — одинаковый яд, опьяняющий, усыпляющий ум, волю, сознание, — всем им беспощадная борьба”, — призывал член ЦКК и Верховсуда А. Сольц.

И подобные призывы достигали ушей как одурманенных мечтой о мировом коммунизме жестоких юношей-“романтиков”, так и расплодившихся на дрожжах советского бюрократизма расчетливых карьеристов.

“Отречемся от старого мира” и построим земной рай — без Бога, без христианской совести, без послушания заветам предков, — молились воинствующие атеисты. А кто не захочет нашего земного рая — того уничтожим. Кто не пожелает верить в нас — того уничтожим. Но прежде — унизим, чтобы не осталось ни праху, ни памяти от тех, кто не с нами. Унизим Церковь, превратив ее в нищенку, запретив ей напутствовать и причащать умирающих в больницах и тюрьмах, воспламенив костры из икон и богослужебных книг, насадив во всех учебных заведениях наше атеистическое вероучение, забрав под наши

нужды Московский Кремль и все монастыри, создав сеть агентов из духовенства и скостив им за доносителство налог, отменив празднование христианских праздников, поместив мощи Святых в музей комисариата народного здоровья как анатомический материал, запретив Крестные ходы, продав церковную утварь за рубеж, конфисковав колокола для переплавки в металл, разрушив церкви в целях расширения улиц... Будем заставлять школьников расстегивать ворот рубахи и срывать с их груди нательные крестики. Сломим волю вашего Патриарха, и вы забудете его. Как забудете и Бога и с очищенной от памяти головой станете строить наш земной рай.

Но ошиблись гонители Русской Православной Церкви: Бог поругаем не бывает, терпят поругание пастыри и овцы стада Христова, терпят и славят Господа, ибо жизнь не имеет той цены, как любовь к Церкви.

Заточение не сломило Патриарха, он не смирился с тем, что вместо свободы Церковь обрела оковы, и, на виду оставаясь спокойным, беспристрастным, Владыка Тихон вновь обращается в заявлении во ВЦИК:

“Церковь в настоящее время переживает беспрецедентное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьмы, сосланы в отдаленнейшие области республики, влачимы с места на место;

православные епископы, назначенные нами, или не допускаются в свои епархии, или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам; Центральное Управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не зарегистрированы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви..."

Минуло два месяца после заявления во ВЦИК, когда православная Москва была растревожена слухами об убийстве Патриарха. Но вместо Владыки Тихона убитым оказался его келейник Яков Полозов. И хотя находились официальные лица, убеждавшие, что произошел обыкновенный грабеж, ведь преступники унесли с собой две патриаршие шубы, москвичи не верили этому.

Яков Анисимович Полозов был взят мальчиком-сиротой в свой дом Тихоном еще во время службы в Холмщине и с тех пор четверть века заменял ему родного сына. Последние годы Полозов был и келейником, и секретарем, и телохранителем своего Отца. Сын Полозова записал по воспоминаниям своей матери: "В 1924 году, 10 декабря моей матери должно было исполниться двадцать пять лет, хотели эту

дату хорошо отметить, и 9 декабря она спустилась вниз и стала давать указания Клеопатре (крещеной татарке, работавшей кухаркой при Патриархе и нашей семье). В это время моя мать услышала что-то вроде щелчков наверху. Она побежала наверх, дорогу ей преградил Патриарх и сказал: "Наташа, твоего мужа убили". Мать увидела отца, который хрипел. В него было пущено пять пуль. Убийцы убежали. Но моментально приехали работники ГПУ во главе с Тучковым, который сразу же заявил, что здесь дело рук белогвардейцев. Откуда он это взял?"

Патриарх был потрясен циничным убийством самого близкого ему человека. Москвичи, не зная даже подробностей покушения, поняли, что Мученик Полозов пал жертвой своей преданности Божиему избраннику. Вспоминали покушение на Патриарха, совершенное 12 июля 1919 года. Тогда при выходе Архипастыря из храма Христа Спасителя женщина ударила его ножом в бок. Ее сумели задержать, и, спустя четыре месяца, Совнарсуд при участии знаменитого безбожника Красикова постановил обвиняемую "от наказания освободить и озаботиться помещением ее в условия, наиболее соответствующие ее психическому состоянию". Правда, Яков Полозов и кучер Иван Гаврилович, задержавшие преступницу, уверяли, что под женским платьем была не "религиозная фанатичка", а мужчина...

На паперти храма Христа Спасителя Патриарха спас кожаный пояс на подряснике под рясой, смягчивший удар ножа. Вся Москва в те дни возносила моления к Господу об избавлении Святейшего от смерти. Поправившись после покушения, Смирнен-

ный Патриарх Тихон в храме, возле которого пытались прервать его мученическую жизнь, принес народу душевную благодарность за добрые чувства:

— *Покорный воле Божией, я остаюсь спокоен и за свою участь. И посему, если исполнятся пожелания ваши мне многих лет, если Господь пошлет мне мирную кончину и удостоит меня великой чести почивать с Отцами моими и предшественниками в древнем святом Успенском соборе, буди имя Господне благословенно. Но если мне суждено прожить мало дней и умереть от ножа, или от расстрела, или иною наглою смертью и не будут знать места погребения (Втор. 34, 6) — да будет воля Божия: я не лучше собратий моих (3 Цар. 19, 4), которые уже так умирали. Желал бы только, чтобы такая смерть послужила во очищение многих грехов моих и была принята Господом как жертва благовонная за люди...*

Подходило к концу медленное умирание за родной народ и Русскую Православную Церковь Священномученика Тихона. После освобождения из тюрьмы Патриарх стал подвержен обморокам, все чаще ощущал тяжелую усталость, приступы “грудной жабы” — давящие боли в левой половине груди.

“Святейший Тихон, — сообщал Архиепископ Серафим Митрополиту Антонию, главе Русской Православной Церкви за рубежом, — поправляется после третьего дерзкого покушения на его жизнь, но он сильно ослабел и страшно переутомился. Он часто служит и ежедневно делает приемы. К нему едут со всех концов России. У него заведен такой порядок:

он принимает каждый день не более пятидесяти человек, с архиереями говорит не более десяти, а с прочими не более пяти минут. Иногда вследствие изнеможения принимает лежа на диване. Он сильно постарел и выглядит глубоким старцем. Около него нет ни Синода, ни канцелярии. Письменных распоряжений он избегает делать во избежание осложнений с властями...”

“Лучше сидеть в тюрьме, — сетовал Патриарх, — я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу. Я посылаю архиерея на юг, а он попадает на север, посылаю на запад, а его привозят на восток”. (То есть вместо епархий, куда посылал Первоиерарх своих архиереев, они попадали в далекие северные и сибирские тюрьмы и ссылки.)

“Святейший Патриарх Тихон, — пишет прошедший советскую каторгу протопресвитер Польский, — не опорочил Мучеников Российских, но сам стал в сонм их первым не по времени эпохи гонений, но по силе страданий. Это было мученичество ежедневное, среди непрестанной борьбы с врагом, с его насилием и издевательствами, в течение долгих семи лет, и ежечасно — за всю Церковь, до последнего часа смерти. Он исчерпал все возможные для Церкви и церковного человека меры примирения с властью гражданской и явился жертвой в самом внутреннем, глубоком и широком смысле этого слова”.

Незадолго до кончины в беседе с тюремным врачом Жижиленко, будущим епископом, Патриарх говорил о своих мученических сомнениях в пользе дальнейших уступок Советской власти. Делая эти уступки, Божий избранник с ужасом убеждался,

что предел требований Советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви и что, по-видимому, единственная возможность для Церкви сохранить свою верность Христу — это уйти в катакомбы, как первые христиане.

Но понимал Тихон и иное — скрыться Архипастырю недозволительно, он должен нести свой Крест до конца.

В начале 1925 года у Патриарха участились приступы “грудной жабы”, и его положили в частную лечебницу Бакуниных, рядом с Зачатьевским монастырем на Остоженке.

23 марта (5 апреля) Святейший совершил Божественную литургию в храме Вознесения у Никитских ворот. На следующий день, в понедельник, он не смог выехать из больницы, так как почувствовал себя плохо после лечения зубов, и послал свою мантию Митрополиту Крутицкому и Коломенскому Петру, давая тем знать, чтобы Митрополит отслужил за него в этот день всенощную в храме на Тверской, а во вторник литургию в Богоявленском храме в Елохове.

25 марта (7 апреля) в день Благовещения Пресвятой Богородицы, в день начала нашего спасения, когда Архангел Гавриил благовестил благодать Божию людям, которой лишились еще Адам и Ева, оказавшись непослушными и перейдя на сторону дьявола, Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон прослушал всю службу Благовещению, прочитанную ему келейником, принял Митрополита Петра (официальная советская пресса позже опубликовала “Предсмертное завещание

Патриарха”, якобы подписанное им в этот день, но правду об этом мы сможем узнать лишь после допуска в архивы КГБ), сетовал навестившим его прихожанам о своем недомогании, не позволившем совершить праздничное богослужение, и обещал на днях выйти из лечебницы, согласился для улучшения самочувствия сделать ему укол морфия. К вечеру Святейший стал сильно волноваться и все спрашивал, который час. Последний раз спросил в 23 часа 45 минут, посмотрел на свои ногти — они уже почернели — и вздохнул: “Скоро наступит ночь, темная и длинная”.

Рядом с ним в этот день был образ Божией Матери, принесенный из Зачатьевского монастыря — Пресвятая Богоматерь как бы звала его и благословляла его последние минуты.

Ночь наступила...

12

Весть о смерти Патриарха Московского и всея России Тихона тотчас разнеслась по Первопрестольному городу. Телефон в больнице Бакуниных звонил беспрестанно. Еще ночью прибыли милиция, газетные репортеры, множество мирян и духовных лиц. Предлагали перенести Святейшего в ближайшую церковь, а с рассветом торжественно перевезти в Донской монастырь. ГПУ запретило “самоволие” и заявило, что это их дело — переправить покойного.

В пять часов утра, когда Москва еще спала, после отирания тела елеем, карета скорой помощи тихо и

незаметно доставила почившего Патриарха, обернутого в бархатную мантию, в большой собор Донского монастыря. Сорок мерных ударов колокола оповестили москвичей о всенародном горе.

Весть, которой боялись все семь с половиной лет после восстановления Патриаршества, разлетелась по утреннему городу. В храмах начались богослужения. В знак траура на зданиях некоторых иностранных миссий были приспущены флаги. Верующие останавливали друг друга на улицах, скорбели, что не уберегли своего святителя, сетовали: ему бы еще жить и жить — два месяца назад шестьдесят годков минуло, делились последними новостями и слухами.

Больше всего слов было сказано о причине смерти Патриарха. Одни уверяли, что его отравили, другие — что под видом обезболивания больного зуба ему ввели лошадиную дозу новокаина. Лишь единицы поддерживали официальную версию — смерть от приступа “грудной жабы”. Не верили вестественную смерть Святейшего, ибо не единожды были свидетелями насилия над его телом и духом, ибо очень уж он был неугоден властям, мешал претворению в жизнь идеи построения атеистического государства.

26 марта (8 апреля) в изъятие из устава были совершены во всех московских храмах литургии Иоанна Златоуста. Вспоминали слова Иоанна Златоуста, что истинное почитание памяти Святых есть подражание их жизни, и, размышляя: “Как дальше жить?” — многие решались: по-тихоновски. Многие в этот день готовы были пострадать за веру, понимая, что Москва воистину стала третьим Римом, вос-

приняв мученичество Вселенской Церкви, начатое в Риме и продолженное в Константинополе.

День и ночь старухи в черном, старики с седыми бородами, монахи, священники, рабочие с московских фабрик, крестьяне ближайших уездов идут поклониться праху Патриарха. По четыре в ряд паломники растянулись версты на полторы по Донской улице, несуетно дожидаясь мгновения — последний раз оказаться рядом со своим Отцом. И день и ночь стоят вокруг тела усопшего архиереи и молят за упокой “новопреставленного раба Божия, Великого Господина и Отца нашего Тихона, Патриарха Московского и всея России”. И день и ночь певчие оплакивают конец земной жизни Заступника Русской Православной Церкви.

30 марта (12 апреля), в Вербное воскресенье, когда Господь вошел в Иерусалим, откуда начался его Крестный путь на Голгофу, свершилось погребение Святейшего Тихона.

Похоже, весь город в этот день едет и идет в одном направлении — к Донскому монастырю. Более тридцати архиереев и шестидесяти священников служат Божественную литургию. Певчим подпевают тихими голосами все, кто попал в храм, а вслед песнопения подхватывают те не то сто, не то триста, не то пятьсот тысяч верующих, плечо к плечу стоящие под открытым небом.

Но как пронести Святейшего через море людей к месту последнего успокоения? На амвон поднялся Епископ Можайский Борис:

— Сегодня мы погребаем одиннадцатого Патриарха Всероссийского Тихона. На похороны его со-

бралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом. Ворота закрыты, и в монастырь больше никого не пускают. Все прилегающие к монастырю площади и улицы запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут Святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах. Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны исполнить это безусловно в память нашего Святейшего Отца и Патриарха. И я знаю, что вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут...

В храме запели "Осанну"¹, молитвенный возглас подхватила многотысячная толпа, заполнившая громадный монастырский двор, монастырские стены и башни, улицы и площади Москвы.

Епископ Борис вышел на высокую площадку перед собором, поднял руку.

— Молчите, епископ говорить будет, — пронесся шепот, и все разговоры разом смолкли.

— Сейчас архипастыри вынесут гроб Святейшего нашего Отца и Патриарха Тихона. Вы собрались отдать ему последний долг. Последний долг тому, кто так любил вас. Он любил вас всею силою своей

1 "Помоги нам" — (евр.).

великой души. Он жил для вас. Он душу свою полагал за вас, своих любимых духовных детей. Покажите же и вы свою любовь к нему. Уже то, что вы собрались сюда в таком громадном количестве, говорит, что верующий народ любил своего православного Патриарха. Монастырь и все примыкающие улицы переполнены народом. Достаточно малейшего замешательства или крика, чтобы произошла катастрофа. Милиции нет. За порядком смотреть некому. Вся ответственность лежит на мне. Покажите же до конца вашу любовь к Святейшему. Не омрачайте последних минут его пребывания среди нас. Никто ни с места, пока не кончится захоронение!

Передние шепотом передали просьбу епископа задним, и ни единый человек не нарушил ее, когда архиереи в белых облачениях и золотых митрах, при пении хора и перезвоне колоколов, вынесли дубовый гроб Святейшего и перенесли его в древний храм монастыря во имя Донской иконы Богоматери.

“Великому Господину, Патриарху Москвы и всея России — вечная память!” — провозглашают, сменяя друг друга, священники. Двойной цепью стоят вокруг гроба епископы и митрополиты. Многим из них скоро идти вслед за Патриархом, вслед за тридцатью уже убитыми и восьмьюдесятью заключенными в тюрьмы епископами. Объединенные хоры Чеснокова и Астафьева поют: “Со Святыми упокой”.

И вот раздалось: “Вечная память!..” — гроб с телом Святителя Тихона, в кровавые ноябрьские дни 1917 года, по указанию Божию, избранного занять пустовавший два с лишним века Патриарший престол,

опускают в могилу...

Заплакали колокола московских церквей. Заплакал московский люд. И не дай Бог, чтобы слезы эти когда-нибудь высохли в Русской земле!

В78 Вострышев М.И. Святитель Тихон. Крестный путь Патриарха Московского и всея России. — М.: “СОРАТНИК”, 1994. — 152 с. — (Серия избранных биографий).

ISBN 5-87883-013-2

ISBN 5-87883-001-9

Книга Михаила Вострышева посвящена подвижнической, мученической жизни Святителя Тихона, избранного Патриархом Московским и всея России в тяжкое для всей страны время в ноябре 1917 г. В книге приводятся документы, свидетельствующие о невиданных гонениях на Русскую Православную Церковь, осуществлявшихся большевистской властью, о страшном голоде, эпидемиях, арестах, расколе Церкви, покушениях на жизнь Патриарха.

В $\frac{0403000000}{678(03) - 94}$ Без объявл.

ББК 86.372

Редактор *О. Ярикова*
Художник *Н. Маслова*
Технический редактор *Т. Брагина*
Корректор *М. Иванова*

Подписано в печать 18.11.94 Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,13 Тираж 5.000 экз.
Тип. зак. № 26

Товарищество “Соратник”. 129221, Москва, а/я 33.
Отпечатано в типографии КМППФ “ЭРА” 105264, Москва Е-264,
7-я Парковая ул., д. 21а Тел. 163-81-27

МОСКВА
"СОРАТНИК"